

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2015

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2015»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

КРАСНОЯРСК, СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

15-25 АПРЕЛЯ 2015 Г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Сборник материалов
Международной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
«Перспектив Свободный-2015»,
посвященной 70-летию Великой Победы

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2015 г.

Красноярск, 2015.

**«Русский язык, речевая коммуникация
и национальная лингвокультура»**

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2015

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2015 г.

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРАСНОЯРСКОЙ МОЛОДЁЖИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Аджамян В. А.,

научный руководитель д-р филол. наук, профессор Фельде О. В.

Сибирский федеральный университет

Изучение аксиологических концептов входит в число актуальных задач современного языкознания. Содержание таких концептов обусловлено морально-нравственными приоритетами и шкалой ценностей как всего социума, так и отдельно взятого человека. Большая часть аксиологических концептов относится к числу «сложных концептов» или мегаконцептов. Как правило, такие концепты двусоставные, то есть в своей основе имеют два слова, одно из которых является определяемым, оценочным. Актуальность изучения аксиологических концептов обусловлена необходимостью исследовать особенности национального мировидения, а также важностью решения проблемы средств выражения оценки в языке.

Объектом настоящего исследования является аксиологический концепт «хороший человек». Цель работы – анализ ассоциативного поля концепта «хороший человек». Теоретико-методологической базой послужили труды Московской психолингвистической школы [Тарасов, 2009; Уфимцева, 2011 и др.]. Отметим, что под концептом в данном случае нами понимается «многомерная, концентрированная, целостная единица мыслительной деятельности человека, которая отражает систему ценностей, присущей национальному сознанию и культуре данного этноса» [Тихонова, Хашимова 2008].

Существует множество научных работ о человеке вообще (это объясняется господством антропоцентрической парадигмы). Однако концепт «хороший человек» недостаточно изучен в лингвистике, философии, социологии и литературоведении, хотя является предметом рефлексии в обыденном сознании. Так, в Интернете существует множество форумов, посвящённых раскрытию понятия «хороший человек», где каждый пользователь всемирной сети может изложить свое мнение по данному вопросу. Приведем пример одного из таких суждений: «Можно абсолютно уверенно сказать, что хороший человек - это личность, которой незнакомы такие чувства, как зависть, злоба и ненависть. Даже если кто-то сделает ему что-то плохое, он не затаит обиду, и уж тем более не будет мстить» [<http://fb.ru/article/143645/kakoy-on---horoshiy-chelovek-kakimi-kachestvami-obladaet-horoshiy-chelovek-kak-ponyat-chto-chelovek-horoshiy>] (дата обращения: 05.04.15).

Материалом настоящего исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведённого в 2014 – 2015 годах в Сибирском федеральном университете. В эксперименте приняли участие 96 человек (43 девушки и 53 парня в возрасте от 18 лет до 25 лет). Респондентам было предложено в ограниченный отрезок времени дать не менее трёх ассоциаций на стимул «хороший человек». В результате было получено 525 реакций, которые представлены в форме отдельных слов, словосочетаний и предложений. В процессе исследований полученных реакций мы смоделировали ассоциативное поле.

Как известно, ассоциативное поле – это совокупность ассоциатов, то есть реакций на слово–стимул. По мнению Н. В. Уфимцевой, содержание и структура ассоциативного поля позволяет нам сделать выводы о мотивах и оценках индивида, из чего мы можем определить культурные стереотипы не только отдельных индивидов, но и этноса в целом [Уфимцева, 2011:207].

В структуре ассоциативного поля выделяется ядро и периферия. Ядро представляет собой совокупность частотных реакций (в нашем случае: от 9 и более). Периферия делится на ближнюю (от 8 до 3 реакций) и дальнюю (единичные реакции).

Большую часть реакций составили ассоциации, среди которых можно выделить следующие: добрый, честный, порядочный, справедливый, щедрый, искренний, внимательный. Единичные ассоциации-предложения представляют собой философские суждения студентов: *Хороший человек – тот, кто готов всегда прийти на помощь, даже в ущерб себе.*

Сопоставительный анализ реакций по гендерному признаку показал, что существуют некоторые различия в представлениях о хорошем человеке у представителей разных полов. Рассмотрим ассоциативное поле концепта *хороший человек* на материале, полученном от респондентов мужского пола. В ядерную часть входят ассоциаты: честный (19), справедливый (17), храбрый (15), добрый (13). На ближней периферии располагаются реакции: порядочный (7), щедрый (6), а также большая группа реакций, которые повторились дважды: сильный, смелый, веселый и др. На дальней периферии «мужского» ассоциативного поля находится большая группа единичных реакций, например: самостоятельный, успешный, выносливый и др.

Модель ассоциативного поля концепта *хороший человек* на материале, полученном от респондентов женского пола, имеет некоторые особенности. В ядерную зону вошли такие реакции, как: добрый (18), честный (18), заботливый (17), порядочный (16), щедрый (16), искренний (15), внимательный (13). На ближней периферии располагаются реакции честный (7), смелый (6), а также несколько реакций, которые повторились дважды: *понимающий, стабильный, праздничный, развивающийся, яркий*. На дальней периферии такие единичные реакции, как: *солнечный, радужный, весенний, нужный, поддерживающий* и др. При анализе связей между словами-ассоциатами и словосочетанием-стимулом «*хороший человек*» в ассоциативном поле выделяется логические и синтагматические отношения. Логические отношения представлены двумя подтипами: корреляция (например, честный и справедливый) и поляризация (например, «*хороший человек*» - человек без зависти и злобы). Синтагматические отношения - связи и зависимости между единицами любой сложности (например, «*хороший человек – это счастливый человек, который умеет радоваться своему окружению*»).

Сопоставительный анализ ассоциативных полей разных полов свидетельствует о том, что существуют некоторые отличия в их ядерной и околоядерной зонах. В данном случае реакции мужского пола отражают представления о качествах, которые обычно приписываются мужчинам. А в ответах респондентов женского пола преобладают такие реакции, которые являются характеристиками «идеального мужчины». Ассоциации молодежи продиктованы общечеловеческой и национальной культурой. В качестве обязательных атрибутов «*хорошего человека*» являются моральные ценности, духовное благо, в меньшей степени – деловые качества.

Реакции, расположенные на периферии «женского» ассоциативного поля отражают более сложные формы эмоциональных процессов и положительных эмоций, нежели у представителей мужского пола, для которых более важными оказываются вполне конкретные образы хорошего человека.

Список литературы

1. Тихонова А. Н., Хашимова Р. И. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. М.: Флинта, 2008. Т. 1.
3. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987.
4. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПРИМЕРЕ СЮЖЕТНО-РОЛЕВОЙ ИГРЫ

Баранчикова А.Д.

научный руководитель канд. филол. наук Сперанская А.Н.

Сибирский федеральный университет

Нет сомнения, что человек в процессе общения преследует определенные коммуникативные цели, для достижения которых он пользуется специальными приемами: коммуникативными стратегиями, коммуникативными тактиками или коммуникативными навыками. Эти понятия предлагает Иссерс О.С. в своей работе «Коммуникативные тактики и стратегии русской речи». Речевое поведение вариативно: редко когда можно достичь своей цели с помощью одного высказывания, приходится прибегать к нескольким «ходам». Выбор коммуникативной стратегии определяется коммуникативными, социальными, психологическими, риторическими, лингвистическими, когнитивными и эстетическими факторами. Речевую стратегию автор определяет как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008: 54]. Под коммуникативной тактикой предлагается понимать формы реализации стратегии в речи.

Игра является важным культурным феноменом, неотделимым от развития человечества в целом и личности в частности. Современная разновидность этого явления – ролевые игры. Медведев Е.А. определяет их как «вид интеллектуального развлечения для группы лиц, состоящий в воспроизводстве гипотетических жизненных ситуаций, представленных в форме конкретных сюжетов, при посредстве формальных моделей и с участием ведущего, исполняющего функции сценариста и арбитра» [Медведев, 2004]. Игра не существует в отрыве от реальности, в первую очередь это моделирующая деятельность, представляющая реальность в концентрированном виде. Это обусловлено тем, что целью, так или иначе, является получение как можно более разнообразных и сильных эмоций и необычного опыта. В мире игры за короткое время создается и разрешается большое количество коммуникативных ситуаций, часть из которых подготовлена искусственно, а часть возникает по ходу действия.

Пространство ролевой игры является пространством повышенной коммуникации. Так как ролевая игра всегда лишь моделирует гипотетические жизненные ситуации, коммуникация внутри нее осуществляется в границах в том числе реально существующих социальных ролей – «отец», «врач», «политик», «продавец» и так далее.

В рамках данного исследования была поставлена цель описать коммуникативные стратегии и реализующие их тактики, выделенные на материале сюжетно-ролевой игры «Призрак: Забвение». Набор материала производился методом включенного наблюдения. Собиратель был погружен в игровую действительность и смог произвести необходимые наблюдения. Собрана картотека аудио и видеозаписей, на материале которых и была сделана обработка устных текстов. Для письменной передачи устной спонтанной речи в работе используется система обозначений, разработанная Н.Н. Розановой и М.В. Китайгородской [Китайгородская, Розанова, 2010].

Анализ материала позволяет говорить о следующих стратегиях:

- Стратегия изменения темы
- Стратегия получения информации
- Стратегия непрямого отказа

Основанием для выделения тактик и стратегий послужило сопоставление коммуникативной цели говорящего и использованных им речевых средств.

В ситуациях, когда игрокам очень хочется поделиться какой-то информацией, но тема разговора не дает им повода высказаться, они прибегают к **стратегии изменения темы**, направленной на то, чтобы сделать интересующую их проблему предметом речи, или вынудить собеседника задать вопрос. Данная стратегия представлена разными тактиками:

1. Тактика *прямого вопроса*

Коммуникант задает вопрос, напрямую касающийся интересующей его информации, таким образом побуждая участников коммуникации сменить тему.

Пример 1:

А: –...она убегает постоянно и я в одиночке бегать ее отлавливать/ я не очень хорошо могу...

Б: – *Может быть кроме газов/ отравляющих веществ есть какие-нибудь другие объяснения связанные с шахтой? Может быть там/ какие-то `фобии/ рассказы связанные с шахтой?*

2. Тактика *безадресного высказывания*

Коммуникант высказывается, словно бы размышляя вслух, игнорируя основную тему разговора и ни к кому конкретно не обращаясь.

Пример 2.1:

А: – ... я не знаю все эти пропавшие люди короче/ они до нас не доходят// (т.е. пропадающие в городе люди не попадают в больницу).

Б: – *У меня съемочная группа пропала вчера/ смешно да?* (Вводит свою тему, но не задает вопрос напрямую, а сводит его к шутке).

Пример 2.2:

А: – *Я вчера с пауком дрался...* (Сообщает, ни к кому не обращаясь)

3. Тактика *случайного упоминания*

Коммуникант обращается к собеседникам с высказыванием, не имеющим отношения к основной теме разговора, но подразумевающим ответное высказывание или иную реакцию. Данная тактика отличается от тактики безадресного высказывания тем, что коммуникант высказывается не в пространство, а адресует свою реплику одному или нескольким собеседникам.

Пример 3.1:

А: – *Не у меня короче тихо спокойно/ только съемочная группа не вернулась с дежурства и никто не знает `где она/* (Высказывание безотносительно к теме разговора).

Пример 3.2:

А: – *Там девушка лежит кстати ей по-моему/ помощь нужна очень сильно//* (Сообщает новую информацию, которая должна вызвать немедленную реакцию присутствующих в комнате врачей).

4. Тактика *сцепления*

Коммуникант пользуется тем, что разговор косвенно касается интересующей его темы и начинает ее развивать.

Пример 4.1:

А: – *Это я говорю для `вас/ чтобы с вами ничего не случилось/ просто как бы ходите* (Не договаривает, так как и так понятно, что он имеет в виду)// *`Да они (призраки) все это собираются делать/ `да//*

Б: – *То есть/ понимаешь в чем дело/ призраки совсем обнаглели// то есть мы живем вот на втором этаже/ это уже то есть раньше мы их там не замечали и можно было как-то списать шорохи-шумы на шорохи-шумы// Это щас это `невозможно//*

Пример 4.2:

А: – *А дальше я еще ни разу не был/ вот (свистит) потом сюда (в больницу)//*

Б: – *Почините нам замок!*

А: – *Вы видели/ сколько тут раненых было? Это все почти моих рук дело было/ Просто вот так вот//* (А. игнорирует требование Б. и пользуется случаем чтобы упомянуть о своей силе, сцепляя реплику с упоминанием больницы).

При реализации **стратегии получения информации** может использоваться тактика *отвлечения внимания*. Рассмотрим пример 6. Коммуникативная ситуация: Коммуникант Б. высадил дверь в комнату А. и В. Они пытаются узнать, зачем ему это потребовалось, не привлекая лишнего внимания к своему интересу.

Пример 6:

А: – *К тому же непонятно (исподволь интересуется причиной проникновения в комнату)/ а че вынесли-то?*

Б: – *Ну потом я побежал в шахту/ потом я побежал начался кипишь вот этот вот/ и он до шести утра... (уходит от ответа, рассуждая на отвлеченную тему)*

А: – *Ну просто скажите/ а что вы хотели-то? (прямой вопрос) ну вы бы сказали/ мы б вам дверь так бы открыли//* (Подчеркивает свою готовность сотрудничать, отвлекая внимание от прямого вопроса и смягчая его)

В: – *Ну как бы да//* (Поддерживает А., подчеркивает готовность сотрудничать)

А: – *Проблем-то? (Еще раз отмечает, что им нечего прятать и дверь они могут открыть свободно)*

В: – *Подошли бы так бы сказали//* (Продолжает отвлекать внимание от сути вопроса)

Б: – *Вы знаете/ захожу/ мне тыкают на дверь/ «ломай»! (Игнорирует прямой вопрос, говорит на отвлеченную тему)*

В: – *Так/ так а дальше? (Поощряет рассказ о том, что именно Б. делал в их комнате)*

Б: – *А дальше я еще ни разу не был/ вот (свистит) потом сюда//* (Не отвечает на прямой вопрос)

На примере этого же отрывка можно рассмотреть тактику *ухода от вопроса*, когда коммуникант дает ответы, близкие к вопросу, интересующему собеседника, однако не сообщают прямой информации. Он, с одной стороны, поддерживает беседу, с другой, - не отвечает на неудобный вопрос.

Следующей рассмотренной стратегией является **стратегия непрямого отказа**.

Часто в процессе разговора коммуникант желает отказаться от совершения некоторого действия по тем или иным причинам. Однако в силу каких-то обстоятельств он считает неуместным отказывать прямо и стремится завуалировать свой отказ, тем самым смягчая его.

Пример 5.1:

А: – *Там девушка лежит кстати ей по-моему/ помощь нужна очень сильно// <...> Но ей `психологическая/ по-моему/ помощь нужна, это наша старьевщица//* (Сообщает новую информацию, которая должна вызвать немедленную реакцию присутствующих в комнате врачей).

Б: – *Нет, я устала с ней*// (Отказ предпринимать какие-либо действия, отсылка к тому, что ранее уже были предприняты какие-то действия).

А: – *Ей сейчас еще `хуже просто*// (Доказывает, что нужно что-либо предпринять, настаивает на своем, снова обращаясь к чувствам слушателей).

В: – *Ей становится хуже с каждым днем*// (Имплицитный отказ, опровергается аргумент коммуниканта А).

Пример 5.2:

А: – *Она уже/ она вот так уже там/ бледная/ серая/ синяя*//

В: – *Она всегда такая*// (Отсылает к опыту местного жителя, который знает, что старьевщица всегда была странной и ничего плохого с ней при этом не случилось).

Б: – *Понимаешь/ мне не прислали санпанций* (имеются в виду сильные успокоительные и другие лекарства) *из соседнего города* (отсылка к внешним обстоятельствам)// *А ей прям `надо*// *Потому что она `буйная*//

Таким образом, можно констатировать следующее. Игровая коммуникация моделирует в концентрированном виде разнообразие известных коммуникаций. В ходе исследования была выявлена обучающая роль сюжетно-ролевых игр: оказываясь в непривычной ситуации, игрок отрабатывает разнообразные коммуникативные тактики и стратегии на игровом материале. В проанализированном материале игроки свободно пользуются разнообразными речевыми жанрами, стратегиями и тактиками. В данной работе была изучена часть тактик и стратегий, представленных в русской речи. О.С. Иссерс подчеркивает, что в самом обществе назрела необходимость «...знания закономерностей человеческого общения (в частности, вербального общения)» [Иссерс, 2008: 14]. Таким образом, исследование и описание коммуникативных тактик и стратегий представляется перспективным полем научной деятельности.

Список литературы

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы: монография. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
3. Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России [Электронный ресурс] – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 104 с.; URL: <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/31/2> (дата обращения: 21.01.2015).
4. Медведев Е.А. Субкультура участников ролевых игр и методы исследования ее воздействия на личность. [Текст] : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.06 : – М., 2004. – 186 с.
5. Призрак: Забвение / Wraith: the oblivion [Электронный ресурс]: офиц. сайт. Кемерово, 2014 URL: <http://wto-game.wix.com/prizraki-zabvenie> (дата обращения: 14.01.2015).

**ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ С ЯКУТСКОГО
ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА СУОРУНА
ОМОЛЛООНА «РЕКА ЛЕНА»)**

Бетюнская С.А.

научный руководитель канд. фил. наук Сизых О.В.

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова г. Якутск*

Имя Суоруна Омоллоона хорошо известно читателю Якутии независимо от его национальности. Однако целый ряд произведений народного писателя до сих пор не переведен на русский язык. В принципе, целый пласт литературы закономерно должен бытовать на родном языке писателя. Однако это обстоятельство важно с другого аспекта: описать восхищение прозаика красотами своей малой родины и представить текст русскоязычным читателям, населяющим территорию Якутии и России в целом. Это обстоятельство объясняет актуальность темы данной работы.

В республике Саха (Якутия) исследование творчества Суоруна Омоллоона на русском языке ведется. Известна обстоятельная монография доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института Гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН А.А. Билюкиной о творческой судьбе Суоруна Омоллоона [1]. Значимы в плане изучения авторской позиции писателя серьезные выступления местных ученых А. Егорова [2], В. Сивцева [4], И. Спиридонова [5].

Ниже представлен мой перевод текста рассказа Суоруна Омоллоона "Река Лена" на русский язык [3]. Язык оригинала – якутский. Осуществлен перевод третьей части рассказа, в которой выражены авторские эмоции, связанные с главной рекой Республики Саха (Якутия) и человеческая позиция автора.

Фрагмент 1.

"О-о, река Лена! Ты еще прекраснее и удивительнее *весной на рассвете* (выделено мною – С.Б.). Кружась нежной волной, поблескивая и переливаясь разноцветными цветами, глядишь на лик ее и, словно вверх летя, сердце радуется, всеми мыслями. Душой оказываешься поглощён ее красотой" [3, с. 13].

Реалия "весной на рассвете" способствует ситуативному описанию вида реки – во время восхода солнца. Реалии – это неотъемлемая часть лексики оригинала, назначение которой состоит в том, чтобы придать произведению правдивый национальный колорит. Следовательно, они требуют особого внимания переводчиков.

Фрагмент 2.

"Блестя как *алмаз*, сияя, светает небо, словно *младенец наяву* с чистой ласковой улыбкой. Лучезарные крупинки золотые, как красна девица с румянцем на щеках, сильнее краснеют и сверкают брызги воды на рассвете" [3, с. 13].

С точки зрения создания национального колорита наиболее эффективно обращение к словам, обозначающим полезные ископаемые, которые стали брендом якутской земли. Речь идет об алмазах – самом дорогом камне Якутии. Однако чрезмерное насыщение переводного текста подобными словами затрудняет восприятие художественного произведения. Поэтому на начальном этапе работы мною отобрана определенная группа слов, обозначающих богатство якутских недр и, в принципе может быть сделан лингвострановедческий комментарий о добыче алмазов в Якутии. Комментарий составляется с учетом якутских и русских лексических фонов. Сравнение "словно мла-

денец наяву с чистой ласковой улыбкой" характерное для якутской и славянской культур.

Фрагмент 3.

"Яркий солнечный свет прогоняет ночь, восхваляет свет, открывая алый отблеск восходящего солнца, а остальные крупницы *медного золота*, сверкая, искрясь и волнуясь, плывут" [3, с. 13].

Словосочетание "медное золото" на самом деле не передает реальный цвет золотых самородков. Их реальный цвет – желтый. Однако уникальность данного цветообозначения в том, что цвет восходящего солнца накладывается на цвет воды реки Лены, который видит писатель в утренний час.

Отсутствие или слабое использование какого-либо средства художественной изобразительности при переводе лишает язык переведенного фрагмента национального колорита, делает его бледным. Это связано с тем, что степень стилистической активности сравнений или каких-либо фразеологизмов в художественном произведении зависит от того, насколько писатель использует лексический запас языка-оригинала. "Медное золото" – выбор Суоруна Омоллоона.

Фрагмент 4.

"И всем этим, не человек слабый и ленивый, а мужественный, стремительный, *просыпаясь рано*, любит, оберегает, свободно дышит, оказываясь полон сокровенных воспоминаний" [3, с. 13].

Ситуация раннего утра особенно важна для человека, чувствующего зов земли, природы независимо от национальной принадлежности. Об этом писали В.М. Шукшин, А.И. Солженицын, В.Г. Распутин. Речь идет о естественном человеке, ощущающем свое родство с природой-Матушкой.

Фрагмент 5.

"Лена, утренним отблеском *чарует человека гладью реки*, дорогой для его сердца; радужно окрашиваясь, волна наяву улыбается ему. И крупные птицы золоченые, мягкие в чистом воздухе, нежные, шелковистые с махровым пером, как птенчик жаворонка, золотоголосые и величавые, взбираясь и веселясь, насыщаются чистым воздухом и возвышенно исполняют воспевание реки Лены" [3, с. 13].

Для человека с якутским менталитетом общение с его землей-прародительницей оказывается важным и носит сакральный характер. Отсюда выражение – "отблеск гладди реки чарует" человека. У якутов есть поверье: ледоход приносит человеку очищение и наполняет его энергией жизни. Именно поэтому ежегодно на горе Чочур-Муран, возвышенностях Табаги можно наблюдать картину: старые люди сидят на принесенных им раскладных стульчиках и много часов подряд не просто любят ледоход, а общаются с рекой Леной на своем языке.

Фрагмент 6.

"Тогда, вся природа материнской, *жемчужной каплей* жмурится, не шевелясь; прислушиваясь к тишине притихают, внезапно округляются и собираясь в стаю, птицы успокаиваются.

Вот так, моя река Лена, сверкая, смеется утренним сиянием, забавляясь и улыбаясь, встречает меня!" [3, с. 13].

Выражение "жемчужной каплей жмурится" для якутской речи является нехарактерным. Жемчуг для якутов является атрибутом чужой культуры. Употребление данного словосочетания объясняется желанием автора передать удивительный цвет утра.

Таким образом, национально-культурная специфика перевода определяется сопоставлением якутских и русских словосочетаний на уровне эквивалентности действительным реалиям. Национальное своеобразие мышления Суоруна Омоллоона проявляется ярче всего при переводе с якутского языка на русский, так как в каждом языке

восхищение природными реалиями отличается особенностями сравнений и отбором ситуаций. Это связано с тем, что образное мышление якутского народа своеобразно, как и мышление любой другой народности. Мышление, воплотившись в художественном языке Суоруна Омоллоона, предлагает читателям уникальные для представителей русского народа сопоставления и ситуации, делая авторское художественное прочтение явления Реки Лены сугубо национальным культурным явлением северного народа.

Работа выполнена в рамках научного кружка "Литературный перформанс" филологического факультета СВФУ.

Список литература

1. *Блюкина А.А.* Суорун Омоллоон. Страницы жизни и творчества. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2006. – 120 с.
2. *Егоров А.* Народный писатель // Эдэр коммунист, 1976. 12 сентября. – с. 8.
3. *Омоллоон С.* Река Лена // Суорун Омоллоон: кэпсээннэр // Под ред. Д.В. Кириллина. Якутск: Бичик, 2006. с. 9-13.
4. *Сивцев В.* Слово о народном писателе // Социалистическая Якутия, 1986. 17 сентября. – с. 3.
5. *Спиридонов И.Г.* Великое притяжение: жизнь и творчество Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона». Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2006. – 60 с.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОЛОНХО НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИ- СТИКИ

Борисова С.В.

научный руководитель д-р филол. наук Дмитриева Е.Н.
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Глагол как часть речи представляет собой непростое явление. По словам академика В. В. Виноградова, «глагол - самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка». Семантика глагола также неоднородна и разнообразна.

Глаголы психической деятельности в самом общем плане подразделяются на следующие классы: 1) глаголы ощущения; 2) глаголы желания; 3) глаголы восприятия; 4) глаголы внимания; 5) глаголы психического состояния; 6) глаголы эмоционального переживания; 7) глаголы эмоционального отношения; 8) глаголы мышления; 9) глаголы знания; 10) глаголы памяти. Первые семь классов связаны с областью чувств, в широком их понимании, а три последних – с областью мысли, мышления.

Методологической основой исследования явились фундаментальные работы по семантике русских глаголов (Л.А. Новиков, Д.Н. Шмелев, Л.М. Васильев, А.А. Уфимцева и др.).

Олонхо – древнейшее эпическое искусство народа саха. Занимает центральное место в системе якутского фольклора. Термин «олонхо» обозначает как эпическую традицию в целом, так и название отдельных сказаний.

Ровно 10 лет назад, 25 ноября 2005 года, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО объявила олонхо одним из «шедевров устного и нематериального наследия человечества». В Республике Саха (Якутия) планируется проведение плановых научно-исследовательских работ и цикла мероприятий по НИИ «Институт Олонхо» СВФУ.

В данной работе представлена лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих психическую деятельность человека. Ранее данные ЛСГ не были предметом исследования, предпринята попытка восполнить пробел и подготовить материалы к переводу.

Нами исследуются глаголы, обозначающие психическую деятельность: ощущения, зрительного и слухового восприятия, обоняния, внимания, эмоционального переживания, отношения, настроения.

Образно-выразительные средства олонхо включают в себя уникальные ЛСГ – глаголов, которые не могут быть переведены дословно и требуют лингвистического и этимологического (историятын коробун) комментария, их перевод будет приблизительным и дает общее представление о ментальности народа саха, отраженной в языке и культуре.

При переводе мы воспользовались данными этимологических словарей М. Фасмера, В.И. Даля, Э.К. Пекарского.

При психологическом обосновании опирались на работы известных психологов С.К. Бондыревой, Д.В. Колесова «Чувство. Психология и семантика».

В последнее десятилетие появились интересные работы по лингвофольклористике (А.Т. Хроленко), по новому разделу лингвистики, в которых даются сведения о народно - поэтическом слове. Работы по переводу образной лексики (Вензер И.А.).

Новизна: Впервые в сопоставительном плане рассматривается ЛСГ-глаголы, обозначающих психическую деятельность героев авторского олонхо, данный аспект ранее не исследовался.

Объектом исследования являются образно-выразительные средства авторского текста олонхо Сергея Степановича Васильева - Борогонского «Эрчимэн Бэргэн» (литературного фольклорного произведения).

Предмет исследования: В данной работе рассматриваются особенности перевода ЛСГ - глаголов, обозначающих психическую деятельность человека в олонхо «Эрчимэн Бэргэн», на русский язык.

Целью исследования является выявление особенностей функционирования образно-выразительных глаголов, обозначающих психическую деятельность человека и определение способов их передачи на русский язык.

В соответствии с целью исследования нами выдвинуты следующие **задачи:**

- изучить специальную лингвистическую, психологическую, лингвофольклористическую литературу, по лексической семантике в аспекте темы на русском и якутском языках;
- подготовить рабочие материалы к переводу авторского олонхо С. Васильева «Эрчимэн Бэргэн»;
- исследовать образно-языковые средства авторского олонхо и основные способы передачи ЛСГ - глаголов, обозначающих психическое состояние героев;
- произвести отбор и классифицировать глаголы, обозначающие психическое состояние действующих лиц.

Нами представляется иллюстративный материал, сопровождаемый переводом, этимологическими комментариями из фундаментальных источников (словари):

<i>Глаголы психической деятельности:</i>	<i>Оригинал</i>	<i>Перевод на русский язык</i>
1) глаголы ощущения		
2) глаголы желания	ыллаа олонхолоо ыанньаҕалаттылар ирдээбиттэр олуйдулар	воспевай (высокопарно) сказывай олонхо (дать примерное толкование) потребовали, пустились в поиски (см. Словарь Пекарского, Дапсы)
3) глаголы восприятия		
- зрительного восприятия	көрбөтөх көөртөрө	не увидел зрительно воспринимая, узревая
- слухового восприятия	истибэтэх	не услышал
- глаголы обоняния		
- глаголы осязания		
4) глаголы эмоционально-	аһыга киирбиттэр	впали в депрессию

го переживания	адыас куоттарбыттар кэлтэгэй буолбуттарын кээнэ күүстэрэ быстыбытын кээнэ күөгэс гына түспүт халыс гына түспүт	упустили стали несчастными, когда все силы иссякли силы на исходе слезы брызнули обильно брызнули слезы
5) глаголы эмоционально-го отношения	харбаан ылбыттар сыллаан-уураан барбыттар үөрүүлэрэ үрдээтэ	обняли нюхали- целовали обрадовались
6) глаголы мышления	сэрэйн таайан	догадываясь угадывая

Начальная форма в якутском языке переводится глаголами повелительного наклонения.

В заключении мы можем сказать, что, учитывая жанр статьи и ограниченность объема, привели наиболее яркие примеры ЛСГ – глаголов.

Данная работа позволяет интегрировать данные нескольких наук: лингвистики и семантики, лингвофольклористики, психологии и семантики, когнитивной лингвистики, стилистики фольклора.

В результате исследования современный читатель получает возможность глубже понимать содержание и философское значение героического авторского эпоса.

Список литературы

1. Бондырева С.К. Чувство (психология и семантика): Учеб.пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2008. – 160 с.
2. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. Пособие для слушателей фак. Повышения квалификации. – М.: Высш. школа, 1981. – 184 с.
3. Найденова Н.С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста: сопоставительное исследование: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. Пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
5. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. – 192 с.

УДК 80.81

ФУНКЦИИ ПОДПИСЕЙ К ФОТОГРАФИЯМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Быльцова М.В.

научный руководитель д-р филол. наук, доцент Евсеева И. В.

Сибирский федеральный университет

Появившись чуть менее двухсот лет назад, фотография прочно вошла в жизнь общества. С ее помощью было запечатлено немало важных моментов – потому фотографии и являются важным предметом изучения этнографии, истории, культурологии. Кроме того, они представляют интерес и для некоторых других областей знания: так, в социологии фотография выступает одним из средств моделирования социальной реальности и передачи социологических данных [Васильева, Стрельникова, 2012.С. 288-304; Григорьева, 2009], в психологии фотография используется как средство изучения и гармонизации личности [Литвин, 2011], исторические науки по фото могут отслеживать изменения в облике стран, городов [Васильева, 2005]. Жанром фотографии, а точнее функцией подписи к ней, заинтересовались лингвисты, считающие, что изучение подписей может быть перспективно с точки зрения лингвосемиотического, речежанрового и других аспектов [Евсеева, Кулакова, 2014.С. 21-26].

В наше время фотография стала общедоступной, перестав быть предметом роскоши, какой когда-то была. С ее помощью мы фиксируем самые разные мгновения нашей жизни. Часто фотографиям сопутствуют подписи. Они факультативны, но несут ряд важных функций: подпись к фотографии не только способна прояснить содержание фото для зрителя (время, место съемки, имена изображенных на фото людей), но и послужить основой для воспоминаний владельца фотографии, вызвать эмоции, связанные с происходящим на снимке.

Объектом анализа данной статьи явились подписи к личным фотографиям пользователей социальных сетей «Одноклассники», «Мой мир», «ВКонтакте». Наша задача – проанализировать и установить функции, которые выполняют подписи к цифровым фотографиям разных жанров. При цитировании текстов фотографий авторские орфография и пунктуация сохраняются.

Фотографии подразделяются на множество специфических видов. В искусстве фотосъемки выделяется несколько основополагающих жанров: портрет, жанровый снимок, пейзаж, натюрморт, а также уличная фотография. В данной работе мы рассмотрим подписи к трем жанрам фотографии: портрет, жанровый снимок, пейзаж (эти жанры наиболее типичны для любительской съемки). Жанры уличная фотография, натюрморт, являющиеся художественными жанрами, и фотографии личного характера не дают достаточного количества материала для исследования подписей к фото. Каждый из перечисленных фотографических жанров имеет свои типовые особенности, на которых мы остановимся ниже.

Указанные жанры можно встретить как среди традиционных фотографий печатного формата, так и в их цифровом варианте. И те, и другие снимки могут сопровождаться каким-либо текстом – подписью. Однако подписи к напечатанным фотоснимкам и к электронной фотографии отличаются друг друга. Традиционные фото во времена своей популярности были далеко не так доступны, как сейчас цифровые фотоснимки. И, конечно, не у всех были средства, чтобы хранить (а значит, и печатать) все фотографии, поэтому большинство сохранившихся печатных фотографий – это изображения особо важных моментов жизни человека. Подписи к таким кадрам оставались более сдержанные, можно даже сказать – официальные. Сегодня

фотография стала намного доступнее, и появилась возможность снимать как важные моменты, так и повседневные. Это способствовало изменению содержания подписей, например, появляется все больше шутливых, игровых текстов.

Остановимся на каждом из жанров подробнее.

Портретный снимок передает индивидуальные черты человека, сосредотачивается на них, работая по принципу зеркала.

Первая рассмотренная нами фотография в жанре портрета сопровождается подписью «*Дружнице Екатерина, Москва*». Данная подпись называет героиню фото – девушку, возможно официантку, стоящую за барной стойкой. Подпись к снимку выполняет сразу несколько функций – называет героиню, указывает на отношение фотографа к ней, а также называет место съемки.

Многофункциональность можно отметить и по отношению к подписи к следующему фото. «*С любимым братом:)*» - так подписана фотография, изображающая девушку, обнимающую молодого человека. Эта подпись указывает как на родственные, так и на дружеские отношения между братом и сестрой. Заметим здесь также специфичную особенность для жанра подписи именно к электронной фотографии – наличие «смайликов». Они помогают эмоционально наполнить то сообщение, которое автор оставляет к фото. Еще одна особенность состоит в том, что пользователь не отделяет «смайлик» от основного сообщения – такую особенность можно отнести к характерным особенностям естественной письменной речи.

На следующем фото запечатлен молодой человек в примерочной магазина. Оно сопровождается подписью «*Рембо. В магазине ZARA на примерке*». Подпись ярко иллюстрирует разницу между традиционными фотографиями и их цифровыми аналогами – на фото изображен момент не торжественный, особенный для автора, а вполне повседневный (возможно, поход с друзьями по магазинам). Первая часть подписи «Рембо» обращает внимание на принятую героем фотографии позу, а также непосредственно на его физическую форму. Вторая часть подписи указывает на место действия, происходящего на фото.

Интересную особенность мы можем наблюдать среди подписей к старым портретным фотографиям в их оцифрованном варианте. Например: «*Я и Лида(молодость)!*» – так подписано черно-белое фото, изображающее двух девушек. Или комментарий к коллажу из школьных фотографий: «*как это было давно(((*». Особенность таких подписей в том, что они сделаны спустя время после непосредственной съемки – традиционные же фотографии обычно печатаются и, соответственно, подписываются, близко к дате съемки.

Обратим внимание на подпись к следующему фото. «*Ну как вам?:-)*» - вопрос от лица автора снимка-автопортрета. Если подписи к традиционным фотографиям в абсолютном большинстве описывают и разъясняют происходящее на снимке, то данный комментарий взывает непосредственно к коммуникации, предлагая оценить снимок.

В рамках жанра портрета мы выделяем более узкий поджанр семейного портрета. Указание на родство может быть выражено как вербально, см. пример выше - «С любимым братом:))», так и невербально – с помощью мимики героев фотографии, их жестов, поз. Так, прямых указаний на родство не содержит подпись «Украина 2012, Белосарайская коса». На фотографии, где изображены женщина с маленькой девочкой на руках и мальчик-подросток рядом с ними, герои располагаются близко друг к другу, у всех троих счастливые, улыбающиеся лица – все это свидетельствует о неформальной ситуации. Подпись фиксирует место и дату съемки; очевидно, фото было сделано во время семейного путешествия.

Анализ подписей к фотографиям в жанре «портрет» позволил выделить следующие смысловые параметры:

а) указание на время и место создания снимка;

б) информацию о лицах, запечатленных на фото. Это может быть «официальная» информация: имена, степени родства; также, возможно, выражение эмоционального отношения (например, прозвища, добрые слова).

в) призыв автора подписи к коммуникации («Ну как вам?:-»)»

Жанровый снимок в отличие от портрета демонстрирует не индивидуальные особенности героя, а происходящее с его участием событие. Если портрет можно охарактеризовать как «зеркало души», то жанровый снимок – это, скорее, «зеркало мира», т. к. мир, социум раскрывается на таких снимках через взаимодействие с героем.

«Чтение докладов. Рождественские чтения в благочинии Добринского ЦО. 27 октября 2014 года. Никольский храм поселка Добринка. Добринский район. Фото Адоньев Дмитрий специально для сайта pravera.ru». Такой подробной подписью дополнена фотография, изображающая двух разговаривающих батюшек, а также женщин, пьющих чай на заднем плане. Примечательно, что характеры подписи и самой фотографии разнятся – снимок очень непосредствен, проникнут дружелюбной и теплой атмосферой. Подпись же отличается официальностью, даже некоторой шаблонностью – указано событие, время и место. Помимо этого интерес для нас составляет специфичное для электронных фотографий указание на авторство фото и его сайта-правообладателя.

Подпись к следующему фото имеет гораздо более неформальный характер. *«Провели в Красноярске flash-тов "Поделись улыбкою своей" с Учителями-йогами из Екатеринбургa, Томска, Новосибирска. Было весело и отвязно;) Бесплатно улыбались и дарили в замен на улыбку конфетку;)».* Данная подпись называет участников снимка – наставников по йоге, также мы видим автора подписи, держащего в руках плакат. Настроения фотографии и ее описания вполне соответствуют друг другу; подпись называет мероприятие и статус ее участников, а также усиливает радостное настроение снимка «смайликами», о которых нами говорилось ранее и подчеркивает неформальность запечатленной ситуации разговорной речью.

Описание жанрового снимка также может подчеркивать личность героев фото. На следующей фотографии мы видим женщину, сидящую боком у вольера с хищником. *«Вот такие мы львицы!».* Подпись фокусирует внимание не отдельно на животном или героине фото, оба объекта на снимке предстают как единое целое. Обе участницы приняли вальяжные позы и их глаза немного прищурены. Такая подпись помогает понять, что, возможно, героиня отождествляет себя с хищницей.

Относительно функций подписей к жанровым фотографиям мы можем сделать вывод о том, что чаще всего данные подписи содержат следующие компоненты:

а) описание происходящего на фото;

б) указание на роль автора в происходящем событии;

в) выражение эмоционального отношения к событию.

Рассмотрим далее подпись к фотографиям в жанре **пейзаж**. Данный жанр в первую очередь предполагает изображение окружающего пространства.

Чаще всего подписи к данному жанру фотоснимков фиксируют время и место съемки, например: «Зимняя набережная. р Тура. 4 января 2015г.», «Севастополь», «Пенза. Набережная». Это можно объяснить тем, что сами виды, изображаемые на пейзажных фотографиях, несут не информативную или смысловую, как другие жанры, нагрузку, а скорее эстетическую, и комментарии к ним были бы попросту лишними. Однако, более оригинальные подписи к пейзажным снимкам встречаются также нередко. Например *«лечуууууууууу!!!!!!.....снимок из окна»* - описание фото облаков,

сделанного из иллюминатора самолета, или «Один...совсем один (заблудился во времени)» - подпись к изображению одинокого одуванчика на лесной поляне. Такие подписи добавляются, чтобы обратить внимание зрителя не на изображение в целом, а на какую-либо часть снимка, его отдельный объект (одуванчик).

С появлением Интернета все больше и больше людей присоединяются к социальным сетям, и многие из них рассматривают фотографию как одно из возможных средств коммуникативного взаимодействия. Фотография подчас несет колоссальную информационную нагрузку, но некоторые ее элементы могут остаться непонятными зрителю. Такой проблемы помогает избежать подпись к фотографии. Подписи, сделанные к традиционным фотографиям, выполняли несколько иные функции: они не только помогали лучше понять автору то, что изображено на фото, но и могли служить напоминанием о запечатленных событиях для владельца фотографии. Такие снимки с подписями к ним были ориентированы в первую очередь на ближайшее окружение владельцев фотографий.

Подписи к электронным снимкам рассчитаны на большую аудиторию, которой автор адресует свою фотографию. Однако это совсем не говорит о том, что от этого подписи к фотографиям в социальных сетях теряют в функциональном плане. Помимо оригинальных мыслей, юмористических высказываний, элементов поэзии, которые, конечно, встречаются и в подписях к традиционным фотографиям, мы находим важный элемент интернет-коммуникации – «смайлики». По нашему мнению, наличие «смайликов» в тексте подписи подчас помогает сказать многое о темпераменте автора в случае, если такие символы встречаются часто.

Кроме того, были отмечены и другие особенности языка интернет-подписей к фотографиям, встретившиеся в процессе анализа материала: это написание текста транслитом, написание в верхнем регистре. Подпись может содержать и указание на авторство – часто это мера предосторожности для профессиональных и полупрофессиональных фотографов для предотвращения «пиратства» – воровства материала.

Таким образом, кроме фактической информации о фото и его содержании подпись к электронной фотографии может содержать указание на отношение к изображаемому, темперамент, склад ума индивидуума.

Список литературы

1. Васильева Е. В. Образ города в художественной фотографии Франции второй половины XIX - начала XX веков: Дисс. ... канд. искусствовед.наук: 17.00.04. С.-Пб., 2005. 226 с.
2. Васильева Е. В. Стрельникова А. В. Биографическая память городских семей: Опыт анализа фотоальбомов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 288-304.
3. Григорьева А. В. Феноменология социального в фотографическом изображении: социокультурные аспекты изучения рекламной фотографии // Социология. 2009. №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12379980>
4. Евсеева И.В., Кулакова С.В. Типы фотоснимков и сопутствующие им подписи // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. V Международ. филолог. чтения им. проф. Р.Т. Гриб. – Красноярск: Сибир. федерал.ун-т, 2014. Вып. 5. С.21-26.
5. Литвин А. Гармонизация личности через психологический анализ фотографий // Детская психология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/23044.php>

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СЕТЕВОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Голубева М.М.,

научный руководитель канд. филол. наук, доцент Нечепуренко М.Ю.

Южный Федеральный Университет

В мире передовых технологий все меньше и меньше времени уделяется живому общению. Благодаря появлению и росту социальных сетей во всемирной паутине Интернета, каждый современный человек просто обязан иметь социальную страничку. Ее наличие не только помогает быть в курсе событий мира и общества, но и связывает с родственниками и друзьями. Помимо этого, многие активные блогеры и юзеры соцсетей становятся «звездами» Рунета среди обычных пользователей и даже связывают свою будущую карьеру с интернет-страничками.

Сам термин «Социальная сеть» был предложен Дж. А. Барнесом в работе *Class and Committees in a Norwegian Island Parish*, «Human Relations» в 1954 году и означал социальную структуру, образованную людьми или организациями и отражающую связи между различными людьми посредством самих социальных сетей. Правда, в то время размер этих соцсайтов не превышал 150 зарегистрировавшихся пользователей. В наше время, как показывает статистика 2012 года, число пользователей Интернета на планете Земля составляет 2 405 510 175 человек. Среди них пользователей КНР 538 000 000 человек, пользователей США - 245 203 319 человек, Россия по числу активных пользователей Всемирной паутины занимает 6 место - 67 982 547 человек, что составляет 46,7% от общего населения страны.

Как ни странно, многие пользователи социальных сетей в реальной жизни кардинально отличаются поведением, манерой общения, характером от своего виртуального образа. Каждый раз, заходя на свою страничку, они надевают определенную маску и становятся на время абсолютно другими людьми. С изменением своей манеры поведения, меняется и манера общения, а кроме того, речь. Она становится более яркой, наполненной сленгом, сокращениями, жаргонизмами и многим другим.

Отмеченное выше убеждает в актуальности настоящего исследования, целью которого является выявить языковые средства, характерные для речи сетевого пользователя и систематизировать полученные данные.

Задачи исследования:

- 1) Систематизировать сетевую аудиторию пользователей;
- 2) Выявить языковые средства, характерные для общения с каждой группой;
- 3) Определить функциональные языковые единицы.

В ходе исследования нами была изучена речь трех человек (19-20 лет) в сети в процессе коммуникации с другими пользователями. Выбирая социальную сеть для исследования, мы отдали предпочтение соцсети «ВКонтакте», так как она является наиболее популярной среди молодежи. Нами был получен полный доступ к сообщениям данных пользователей, списку друзей и их комментариям на публичных страницах и в группах.

Список друзей исследуемых пользователей можно разбить на следующие группы:

- 1) Группа близких друзей, объектов любви (людей примерно такого же возраста);
- 2) Группа родственников, одноклассников, одноклассников;

3) Группа преподавателей, людей на которых нужно произвести определенное впечатление (в основном, люди старше по возрасту или по статусу);

4) Группа остальных почти невостребованных пользователей.

Эта небольшая классификация людей, с которыми общаются сетевые пользователи, была сформирована по принципу «важности», а именно: *группа №1* чаще всех встречается в сообщениях пользователей, с ее участниками они ведут активное и ежедневное общение, обмениваются музыкой, картинками и документами. С людьми из *группы №2* исследуемые общаются реже, но они также могут прикрепить к сообщению фотографию, песню или документ, зачастую, переписка с ними не очень длинная и имеет неформальный характер; *группа №3* является редким гостем в сообщениях наших пользователей, следовательно, и переписка с ними небольшая. Во время общения с участниками этой группы соблюдается исключительно официальный тон, поэтому и вложения ограничены, в основном, это документы или фотографии бумаг. Наконец, *4 группа* людей является самой редко встречающейся или даже отсутствующей в сообщениях, в нее входят старые знакомые, люди, встречи с которыми либовесьма редки, либо их и вовсе нет.

Ниже приведена диаграмма (рис.1) общения коммуникантов с участниками группы. Нами были взяты все сообщения социальной сети «Вконтакте» и электронной почты исследуемых пользователей за последний месяц. Больше всего сообщений было адресовано группе №1 – 80% от общего числа. 12% сообщений отправлено группе №2. Группе №3 поступило 6% писем от общего числа и группе №4 – 2%.

Рисунок 1. Диаграмма общения коммуникантов с участниками группы

Исходя из этой классификации, в ходе исследования были выявлены особенности общения между нашими сетевыми пользователями и их друзьями из этих групп. Общаясь с участниками первой группы, исследуемые пользователи употребляют в своей речи *сокращенные формы слов* («чо», «че» и «шо» вместо «что»; «щас» и «ща» вместо «сейчас», «сек» вместо «секунда», «прив» вместо «привет»; «спс» вместо «спасибо», «не» вместо «нет»), *молодежный сленг* («комп» вместо «компьютер»; «препод» вместо «преподаватель»; «инет» вместо «интернет»; «универ» вместо «университет»; «телек» вместо «телевизор», «прикол» вместо «шутка», «зачетка» вместо «зачетная книжка»; «общага» вместо «общезитие»; «ржач» вместо «смешно»), *слова-паразиты* (ну, блин, как бы, типа, вот, короче), *различную неформальную лексику* и *смайлы* (=) или (= или :* или O_o или xD или ;-Ъ и тому подобное).

Кроме того, в этом общении предложения зачастую *не осложнены причастными и деепричастными оборотами* («Помнишь ту историю. Я тебе рассказывала вчера»= «Помнишь историю, рассказанную мною вчера?») и являются *простыми и определенно-личными* («Блин, я хочу купить ботинки»), или *обобщенно-личными*

(«Поехали в Мармелад?»), или *безличными* («Там холодно»), также, *неполными* («Не, не видела»). *Сложносочиненные и сложноподчиненные* предложения тоже используются, но гораздо реже, чем простые (в среднем на 20-30 простых предложений приходится одно ССП или СПП). Иногда они содержат знаков препинания и заглавных букв (даже в именах собственных), а иногда их вставляют с избытком, например, для передачи настроения, нужной эмоции. Кроме того, и сами сообщения являются короткими (начиная от одного слова, цифры или смайлика (скобочки)). Также они могут содержать *опечатки и ошибки*.

Во время общения с друзьями из второй группы, которые, возможно, являются не такими близкими исследуемым пользователям, они избегают использования неформальной лексики, снижено использование слов паразитов. Общаясь с данными людьми, сетевые пользователи стараются быть вежливыми, доступными для понимания и грамотными. Так как исследуемые видят почти всех участников группы достаточно часто, отношения между ними дружеские, доверительные. Поэтому стиль общения является неформальным, допустимо употребление сленга, сокращений и смайликов. Сообщения могут быть более объемными.

Предложения в диалогах между людьми из группы и сетевыми пользователями являются более полными, обстоятельными, грамматически правильными и идейно законченными. Заметно, что на их составление было затрачено больше времени, так как они содержат более осложненную конструкцию, которая иногда может включать в себя: причастные и деепричастные обороты («Так, прикинь, еще и сделанная работа была не оплачена!»; «прочитав заголовок, я уже решила закрыть учебник, ужас какой-то там»). Помимо этого, встречаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с любыми видами связи («Да, давай либо в эти выходные поедem, либо в следующие...»; «Ну, в этой аудитории, которая на 4 этаже и с компьютерами, поняла?»). Чаще используются определенно-личные и обобщенно-личные предложения, чем безличные.

Сообщения между третьей группой и исследуемыми пользователями отличаются сугубо деловым стилем общения и вежливостью фраз («Скажите, пожалуйста, какие грамматические темы стоит повторить на экзамен?»). Также, грамотными предложениями с осложнениями и вводными конструкциями. («К сожалению, в виду непредвиденных обстоятельств я не смогу выступить в завтрашней конференции очно, но буду очень благодарна, если вы предоставите мне возможность участвовать заочно»). Диалог общения в сети с представителями этой группы не велик, так как, пишут исследуемые пользователи только по делу. Очевидно, что нецензурная лексика, опечатки, ошибки, сокращенные формы слов и неверная пунктуация по мере возможностей отсутствует. А терминология, нейтральная и формальная лексика используются весьма обширно.

Что касается четвертой группы, то если и поступают сообщения этим пользователям, то только в ответ на их собственные. Так как исследуемые пользователи не заинтересованы в общении с ними, то только из вежливости или, если это касается важного для обеих сторон дела, поддерживают разговор. Лексика таких сообщений различная: формальная, неформальная и нейтральная. И в зависимости от отношений между коммуникантами, выбирается стиль речи и сложность предложений.

Нами были изучены сообщения за последний месяц из диалогов с людьми групп №1,2,4. Согласно подсчитанной статистике, 80% простых предложений в речи доминируют над 20% сложными в общении между коммуникантами и представителями данных групп. А 90% сложных и 10% простых предложений в общении между группой №3 и исследуемыми пользователями.

Данные особенности общения коммуникантов говорят об отношении исследуемых пользователей к участникам группы, но это не значит, что отношение к близким друзьям и любимым хуже, чем к преподавателям, начальникам или просто людям старшего возраста. Общаясь короткими сообщениями, частокоммуниканты хотят поделиться информацией быстрее, тем самым приближают письменную форму общения к устной. А когда они пишут более обстоятельные сообщения, на это уходит много времени. Следовательно, общаясь с людьми из группы №1, достаточно короткого предложения, чтобы подать часть информации, которая будет раскрыта в последующих письмах. При общении с участниками групп №2 и №4 будет уместно простое предложение, но с законченной мыслью. А при коммуникации с людьми из группы №3 нужны более полные ответы, правильные конструкции и соответствующая лексика.

Подводя итог данной работе, мы делаем следующие выводы:

Во-первых, при общении с представителями группы №1, сетевые пользователи экономят время на написание сообщений, но количество написанных им сообщений гораздо больше, чем другим пользователям. Такая манера общения приближена к устной речи. При общении с участниками группы №2, исследуемые пишут более полные предложения, стараясь в одном сообщении передать все, что было запланировано, но количество отправленных сообщений в месяц как минимум в 6-7 раз меньше, чем полученных писем участниками группы №1. Коммуникация сетевых пользователей с представителями группы №3 требует гораздо больше времени и усилий, так как необходимо изъяснить свою мысль более корректными словами и осложненными предложениями. Но и общее количество писем невелико, так как пишут исследуемые пользователи людям этой группы только по делу. При общении с пользователями группы №4, коммуниканты не всегда заинтересованы в беседе и очень редко пишут первыми. Поэтому и диалог с представителями группы №4 пустует или очень мал.

Во-вторых, следует заметить, что при общении с представителями групп №1,2,4 пользователи могут себе позволить сленг, неформальную лексику и простые предложения. Что в процессе коммуникации с участниками группы №3 либо исключено, либо ограничено в использовании (касаемо простых предложений).

В-третьих, именно доверительные и дружеские отношения с участниками групп №1,2,4 позволяют говорить простыми предложениями с неформальной лексикой исследуемым пользователям. А формальные отношения с представителями группы №3 ограничивают использование неформальной речи, так как официальный тон письма подразумевает терминологию, формальную лексику, сложные предложения с вводными конструкциями и причастными и деепричастными оборотами. Именно отталкиваясь от отношений с тем или иным пользователем, исследуемый выбирает свой функциональный стиль речи.

Список литературы

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: Формирование и функционирование // Вопросы языкознания. - М., 1996.-N 3.-С.32-41
2. Шарифуллин Б. Я. Общественная лексика: Терминологические заметки// Речевое общение. - Вып. 1(9). - Красноярск, 2000.-С.108-111

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ В ПЕЧАТНЫХ СМИ КАК ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Гущина М.С.

научный руководитель д-р филол. наук Копнина Г.А.

Сибирский федеральный университет

Цель данной статьи – охарактеризовать проявления лингвистического цинизма в современных печатных СМИ в аспекте лингвоэкологии.

Одним из развивающихся направлений в современном языкознании является лингвистическая экология, или эколингвистика, предметом изучения которой, как отмечает А.П. Сковородников, является «состояние языка как семиотической системы (его "семиотическое здоровье"), обусловленное социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык, языковое сознание и речевую культуру; пути и способы защиты языка от негативных влияний, с одной стороны, и его обогащения и развития, с другой» (из письма-памятки авторам журнала «Экология языка и коммуникативная практика»).

Г. Г. Хазагеров говорит о том, что «становление лингвистической экологии высветило ряд актуальных проблем и явилось естественным продолжением культуры речи как лингвистической дисциплины, придав последней мощный социальный импульс» [Хазагеров]. Проблемы лингвоэкологии рассматриваются в работах В. К. Журавлёва, Л. И. Скворцова, Б. Я. Шарифуллина, А.А. Бернацкой, В. И. Шаховского, Н. Г. Солодовниковой и других исследователей. Сложности возникают не в связи с выявлением и описанием лингвоэкологических проблем (дескриптивный подход), а в связи с разработкой рекомендаций для их решения (прескриптивный подход) (об этих двух типах подхода см. в работах Г.Г. Хазагерова).

Объектом нашего исследования является лингвистический цинизм в СМИ – одна из лингвоэкологических и культурно-речевых проблем, нуждающаяся как в дескриптивном, так и прескриптивном подходе исследования.

Исследователи дают различные определения цинизма. Приведем некоторые из них:

- моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в особенности нравственным ценностям, в том числе коммуникативным [Словарь по этике];
- высокомерное и вызывающе-презрительное отношение к общепринятым нормам нравственности и морали [Жмуров, 2012];
- демонстрация отрицательного отношения к общепринятым нормам нравственности, в том числе коммуникативным [Романова, 2010];
- сугубо критическое или нигилистическое отношение к общепринятой нравственности, граничащее с бесстыдством, наглостью и грубой откровенностью. Характеризуется как извращенное остроумие, гротескное оскорбление [Филиппов, 2011].

В первых двух определениях признаком цинизма названо презрительное отношение к общепринятым нормам морали и нравственности, в последующих двух акцентируется внимание на том, что такое отрицательное отношение является нескрываемым, демонстрируемым. Проявление циничного поведения является этико-речевой ошибкой.

В языкознании используется понятие «лингвистический цинизм», или «лингвоцинизм». Лингвоцинизмы определяются как «слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или группового мышления

(мировоззрения)» [Сковородников 2012: 301]. Детализируем это определение, исходя из сформулированного выше вывода о понятии цинизма: лингвоцинизмы – это языковые/речевые единицы, при помощи которых демонстративно выражается презрительное отношение к общепринятым нормам морали и нравственности.

Некоторые слова и выражения, отражающие психологию теократизма, негуманность социального мышления, по мнению А.П. Сковородникова, широко представлены в общем употреблении эпохи так называемого тоталитарного режима: *рабсила, человекоединица, человеческие ресурсы* и т.д. [Там же] и отмечены в работах по культуре речи и этике речевого общения. Понятие об этике речевого общения тесно связано с понятием этико-речевой нормы. А. П. Сковородников определяет этико-речевую норму так: «совокупность правил речевого общения (поведения), которые обеспечивают гармонию интересов общающихся на основе общепринятых нравственных ценностей» [Культура русской речи, 2003, с.366]. И в этой же словарной статье отмечается: «Следует иметь в виду, что кроме общей этико-речевой нормы, соблюдение которой необходимо во всех ситуациях общения и при любых статусах общающихся, существуют этико-речевые нормы, характерные для определенных профессиональных сфер общения: делового, педагогического и др.» [Там же, с.60].

Проявлением лингвистического цинизма в печатных СМИ, на наш взгляд, являются следующие речевые факты:

У нас с Люсей была еще одна двоюродная сестра-педагог. Она учила Сережку говорить. Он же был олигофреном. Естественно, он и сейчас такой же. Как что-то скажет, так хоть стой, хоть падай! В принципе все Сашкины дети были такие. Но самый тяжелый был Сережа. Жорка и Катя росли более нормальными. В Москве с ними занимались, разговаривали (Экспресс Газета. 12 августа 2013 г.). – Слово «олигофрен» употреблено в значении «тупой, несообразительный или ненормальный, странный человек» (это значение зафиксировано в [Большой толковый словарь русского языка, 1998]), на что указывает последующий контекст, а именно сочетание «более нормальными...». Таким образом, перед нами нарушение максимы симпатии (доброжелательности), являющееся проявлением цинизма в речи.

«Илья Лагутенко обалдел, узнав, что его собрались слушать трезвые фанаты. Пиво, как и прежде на «Крыльях», текло рекой, но только безалкогольное. И все равно публика выглядела довольной» (Экспресс Газета. 12 августа 2013 г.). – Выделенная присоединительная конструкция создает имплицитную информацию об оценочном предположении автора: публика обычно довольна, только если есть алкоголь. Оценка автора явно с отрицательным подтекстом, который несет в себе навешивание ярлыка и высокомерное, предвзятое отношение к интересам и жизни других людей. Данный пример подтверждает нарушение максима такта и максима одобрения, а также максима симпатии - автор в своем ироничном замечании выражал антипатию.

«Пугать надо обывателя. Обыватель без страха, что Карлсон без варенья. А если это для его же, обывателя, блага, то чем больше страха – тем лучше. Вот, например, недавно гашишники решили научить наш народ пристегиваться.» (Газета Комсомольская правда. 13-20 июня 2013 г.). – Слово «обыватель» употреблено в значении «человек, лишённый общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами и т.д.» (это значение с пометкой неодобр. зафиксировано в [Большой толковый словарь русского языка, 1998]) на это указывает контекст «чем больше страха – тем лучше» - в этом выражено мнение автора, который убежден, что в современном обществе в сознании «обывателей» сохранился косный порядок страха перед государственными службами. В итоге нарушена максима симпатии.

Э. Лассан отметила слова известного журналиста Дм. Быкова, который как-то заметил, что прагматизм в современной жизни есть просто иное название цинизма. Он

считает, что следует развести прагматизм как стимул к совершению поступков, дающих, по мнению субъекта, благоприятные для него результаты, и публичную вербализацию, а соответственно - легитимизацию мотивов, противоречащих сложившимся этическим нормам. Последнее и есть цинизм [Лассан, 2006]. А.Я. Анцупов пишет о том, что «циничное поведение субъекта является провоцирующим фактором, вызывающим осуждение (групповое или индивидуальное) окружающих, предъявление требований по пресечению проявления цинизма» [Анцупов, 2009].

В заключение можно сказать о том, что к лингвистам применимо высказывание Пьера Бурдьё о социологах: «Социологи находятся в уникальном положении. От других интеллектуалов их отличает то, что они обычно (хотя и не всегда) умеют слушать и знают, как расшифровать то, что они услышали, как это записать и передать дальше. <...> Если мы хотим получать результат, мы должны сделать так, чтобы наша критика была услышана широкой общественностью» [Литература: взгляд изнутри, 2000].

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/cinizm> (дата обращения 28.08.2013).
2. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/151410/%D0%92%D1%8B%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения 28.08.2013).
3. Жижек, С. Власть и цинизм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anarh.ru/anarch/3/cinizm.html> (дата обращения 28.08.2013).
4. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд. [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/cinizm> (дата обращения 28.08.2013).
5. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др.. — М.: Наука, 2003. — 432 с.
6. Лассан, Э. Лингвистика как ангажированное знание // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2006. - С. 199-213.
7. Литература: взгляд изнутри. [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/other_lang/20000811.html (дата обращения 28.08.2013).
8. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/976/word/cinizm> (дата обращения 28.08.2013).
9. Сковородников, А.П. Лингвоэкология, или эколлингвистика // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. С.301-302.
10. Словарь по этике. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moralphilosophy.ru/index.htm> (дата обращения 28.08.2013).
11. Филиппов А.В., Романова Н.Н., Летягова Т.В. Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/976/word/cinizm> (дата обращения 28.08.2013).
12. Хазагеров, Г.Г. Перспективы экологической лингвистики и исчерпанность стилистической парадигмы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.khazagerov.com/pragmatica/122-ecolinguistics.html> (дата обращения 28.08.2013).
13. Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 1.09.2013)

МЕЖДОМЕТИЯ В СОСТАВЕ ОСНОВНЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДОМЕТИЙ

Исакова А.М.,

научный руководитель канд. филол. наук, доц. Меньшикова Ю. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

«Междометие – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоциональноволевых реакций на окружающую действительность» [Русская грамматика¹1980: 1700].

Междометие занимает особое место в системе частей речи. Хотя впервые междометие как часть речи было выделено в латинской грамматике уже в первом веке («Грамматическое руководство» Палемона; подробнее см.: [История лингвистических учений. Древний мир Средний Восток. Средневековая Европа. Позднее Средневековье1980], а в отечественном языкознании – в грамматике М. В. Ломоносова [Ломоносов1952], до сих пор исследователи не пришли к единому мнению даже по ключевым вопросам, касающимся слов этого типа. Так, например, не имеет однозначного решения вопрос о том, можно ли считать междометия отдельной частью речи или следует выделять их как группу слов, не входящую ни в одну из частеречных категорий. Также дискуссионным является вопрос о том, какие группы слов следует включать в состав междометий. Эта проблема связана в первую очередь с обособленностью междометий от знаменательных и служебных частей речи, которая выражается в том, что в отличие от первых междометия не имеют номинативной функции, а лишь выражают эмоции или требования (так междометие *тсс* – выражает просьбу разговаривать тише или вовсе замолчать), а от вторых их отличают специфические синтаксические особенности, поскольку междометия могут находиться как вне состава предложения, так и являться членами предложения, и даже образовывать самостоятельные предложения.

Считается, что междометия имеют языковые функции, но существует точка зрения, согласно которой они не относятся к лингвистическим явлениям. Например, известный европейский лингвист Макс Мюллер считал, что язык возникает тогда, когда люди перестают пользоваться междометиями [Мюллер1865]. В российском языкознании такие же идеи высказывал К. С. Аксаков, который писал, что междометие «мысли <...> не выражает, это просто восклицание <...>. Тут еще нет слова, тут еще не говорит человек» [Аксаков1875: 7].

Большинство современных грамматистов не поддерживают выведение междометий за пределы языковых явлений, тем не менее, вопросы, связанные со статусом и объемом этой части речи остаются актуальными до сих пор. Трактовка этой части речи связана с тем, какие слова исследователи относят к междометиям. Например, И. А. Шаронов, который исследует первообразные эмоциональные междометия, рассматривает их как единицы, выражающие «произвольные, неадресованные восклицания, служащие реакциями на любой внешний (необязательно речевой) стимул» [Шаронов2008].

Однако если относить к междометиям более широкий круг единиц, как это происходит в академической грамматике русского языка [Русская грамматика1980], то трактовка междометий как неязыковых единиц становится невозможной.

¹ Далее в работе будет использоваться сокращенное название – РГ-80.

Цель выполненного исследования – сопоставить объем и описание слов, отнесенных в РГ-80 и основных словарях русского языка. При проведении анализа были использованы следующие словари:

1. Грамматический словарь русского языка² [Зализняк1980];
2. Большой толковый словарь русского языка³ [Кузнецов2000].

Для достижения этой цели были решены следующие **задачи**:

1. анализ истории изучения и описание основных особенностей междометий;
2. составление базы данных по междометиям, перечисленным в РГ-80;
3. составление базы данных по ГС;
4. составление базы данных по БТС;
5. статистический анализ полученных баз данных;
6. сопоставление материалов составленных баз данных.

Результаты сопоставительного анализа состава междометий в основных словарях русского языка и РГ-80 позволили расширить список слов, представленных в иллюстративном материале РГ-80 данными словарей.

ГС А. А. Зализняка и РГ-80 были изданы в 1980г., тем не менее, более 50% междометий, встречающихся в РГ-80, не упоминаются в ГС, а совпадают всего лишь 27% от общего числа междометий.

В БТС встречается около 36% междометий, упомянутых в РГ-80. Около 34% междометий, встретившихся в БТС, ни разу не упоминались в РГ-80, и около 29% междометий мы можем обнаружить только в РГ-80. Безусловно, БТС включает в свой состав гораздо больше единиц, которые можно было бы отнести к междометиям. В словаре также представлено большое количество вариантов разных междометий (*вот так номер, вот так штука, вот так клюква* и пр.), но ясно прослеживается тенденция к отнесению интересующих нас словарных единиц к другим частям речи (частицам, вводным словам и пр.). Наиболее полно в БТС отражены заимствованные (*фу, айда, алло, алле и пр.*), эмоциональные (ядро категории) (*вот так так, ужас, ой ли, скажите на милость и пр.*) и звукоподражательные (*бум, бух, хлоп, щелк, ха-ха и пр.*) междометия.

В ГС наиболее полно отражены заимствованные междометия, удовлетворительно отражены звукоподражания. В целом же в ГС упоминается не так много междометий, как в БТС, однако и БТС отражает лишь треть единиц, которые можно отнести к междометиям, встретившиеся в РГ-80.

² Далее в работе будет использоваться сокращенное название – ГС.

³ Далее в работе будет использоваться сокращенное название – БТС.

ВЕЖЛИВОСТЬ В ДЕЛОВОЙ ИНТЕРНЕТ-ПЕРЕПИСКЕ (В СИТУАЦИИ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ + СТУДЕНТ»)

А.В. Кожеко,

научный руководитель д-р филол. наук Евсева И.В.

Сибирский федеральный университет

В данной статье рассматривается проблема создания электронных деловых писем, а именно – особенности проявления категории вежливости в деловой интернет-переписке.

Ключевые слова: категория вежливости, деловая переписка, интернет-общение.

Kozheko A.V. POLITENESS IN THE BUSINESS OF INTERNET CORRESPONDENCE

This article considers the problem of conducting e-business letters, and also features displays categories of politeness in the business of Internet correspondence.

Key words: the category of politeness, business correspondence, Internet communication.

В связи с тем, что современное общество постоянно вырабатывает новые формы взаимодействия, использование интернет-сети проникает во все сферы человеческой жизни, в том числе и в сферу делового общения. Данное явление находит свое выражение и в образовательной среде, где зачастую ведется деловая переписка не только между коллегами, но и между преподавателями и студентами, учениками и учителями, что позволяет усовершенствовать образовательный процесс. Благодаря электронной почте преподаватели могут четко обозначить задание для студентов, выслать необходимые учебные пособия, ссылки на интернет-источники, проверить некоторые работы студентов, которые, в свою очередь, не только получают необходимые задания и файлы, но и могут проконсультироваться с преподавателем, договориться о встрече с научным руководителем и т. д. Но, чаще всего, при написании электронного делового письма возникает масса вопросов: как правильно оформить письмо? Каким должно быть письмо по объему – краткое, содержащее только необходимую информацию, без обилия различных формул вежливости, то есть письмом, больше напоминающим сообщение в чате или социальных сетях (в последнем случае сжатый объем информации нацелен на максимальную экономию времени)? Или деловое письмо должно быть официальным, четко сформулированным, с обязательными этикетными элементами, как в бумажном деловом письме, целью которого является не только передача информации, но и проявление уважения к адресату, заинтересованность в сохранении партнерских отношений?

Речевому этикету, правилам письменной деловой речи посвящено немало исследований [Луцева, 1999; Аитова, 2003; Демченко, 2007; Аниськина, 2009; Кимпалу, 2009], но на настоящее время нет четко сформулированных правил ведения электронных деловых писем. Чаще всего студенты не знают, как правильно написать письмо преподавателю, в связи с чем, при написании сообщения, часто упускают важные этикетические компоненты, что сказывается на отношении адресата к письму.

Нами были проанализированы тексты деловой интернет-переписки преимущественно в образовательных учреждениях в ситуациях «преподаватель + студент» (тексты публикуются с согласия их авторов; примеры приводятся с сохранением авторского членения текста, орфографии и пунктуации).

Первое, на что нужно обратить внимание при составлении письма – его структура. В нем обязательно должны быть тема, приветствие, обращение, заключительная формула вежливости и подпись отправителя [Басаков, 2003; Кузнецов, 2006].

Приведем пример удачного построения письма (ИО – имя и отчество):

"Здравствуйте, ИО!

Скажите, пожалуйста, какие именно задания выполнять и отсылать Вам по Вашему предмету?

Заранее спасибо!

*С уважением,
студенты из Китая"*

Однако участники делового общения часто не придерживаются структуры делового письма или пропускают некоторые важные элементы. Бывают случаи, когда студенты при написании письма преподавателю вообще не задумываются об этикетных элементах, о грамотности и о том, как будет воспринято их письмо. Нетрудно догадаться, какая может быть реакция на подобное письмо. Например:

Тема: "Здравствуйте! вопрос по домашней!!!"

Скажите пожалуйста мы завтра сдаем в письменном виде 4 урок!а проверочные задания мы тоже все письменно?тексты в которые слова вставлять переписать или переводить?

(Без подписи)

Бывают случаи, когда преподаватели отказываются отвечать на бестактные письма, или на письма, в которых отправляется какой-либо файл без всякого рода пояснений к отправляемому документу.

Чтобы выявить различия в отношении преподавателей и студентов к текстам электронных писем, нами было проведено анкетирование. В анкете были представлены реальные письма студентов к преподавателям (с вымышленными личными данными), где испытуемому предлагалось представить, что ему пришло подобное сообщение и прокомментировать каждое письмо, ответив на вопросы «Представьте, что на Вашу почту пришли письма следующего содержания. Все ли Вас устраивает в этих письмах? Если нет, что именно вызывает негативные впечатления? На какие письма Вы бы с удовольствием ответили, а какие, возможно, проигнорировали? Почему? Пожалуйста, дайте свои комментарии к письмам». Всего в анкетировании приняли участие 50 человек.

Общие результаты показали, что посмотрев на свои сообщения со стороны, студенты относятся к ним критично, иногда даже более требовательно, чем преподаватели. Однако в момент написания писем они иногда не замечают того, что их письмо составлено не по всем правилам этикета. Например, одно из предложенных писем было ранее отправлено студентом, который проходил анкетирование. Так как все имена и шифр группы были изменены на вымышленные, студент не вспомнил, что ранее писал такое письмо:

«Здравствуйте, Наталья Николаевна!

Уточняем почту нашей группы. Теперь все письма до нас дойдут ☺

Группа 020202.02.01»

Студент, прочитав данное сообщение, в комментарии написал, что письмо составлено удачно, однако смайлик здесь определенно лишний, хотя в момент написания сообщения он об этом не задумался.

Отношение к употреблению смайлов в общении между преподавателями и студентами разное. И преподаватели, и студенты допускают возможность использования смайликов, в случае, если между преподавателем и студентами хорошие доверительные отношения. Преподаватели сами иногда могут использовать смайлы в сообщениях, чаще всего с целью подбодрить студента.

Преподаватель:

«Девушки, по ошибке отправила вам материал по «название предмета», предназначенный для 2 курса.

Наши занятия по «название предмета» начнутся во вторник. В следующем письме план и дидактические материалы.

*С уважением ИО
(номер телефона)»*

Все же большинство анкетированных ответили, что использование смайликов недопустимо в деловом общении, во всяком случае, не стоит часто их применять, так как не все студенты и преподаватели могут понять письмо правильно. Сообщение со смайлами не может быть воспринято серьезно, что сказывается на качестве коммуникации.

К приветствиям и заключительным формулам вежливости и студенты, и преподаватели относятся одинаково серьезно, считая их необходимыми элементами письма. Некоторые студенты написали в комментариях, что задумались бы, стоит ли отвечать на письмо, в котором нет приветствия или подписи «с уважением...». Некоторые студенты и преподаватели относятся лояльно к пропуску одной или нескольких необходимых формул вежливости. Студенты объясняют это тем, что «все сами студенты, такие же ведь», «сами часто так пишем», преподаватели же пытаются отнестись к подобным сообщениям понимающе, учитывая возраст адресантов и их недостаточную компетентность по вопросам делового общения.

К обращениям студенты и преподаватели относятся немного по-разному. Студенты чаще всего полагают, что в письме достаточно только приветствия, либо употребляют обращение в качестве приветствия. У преподавателей же часто бывает негативная реакция на то, что студенты не обращаются к ним по имени, отчеству. Так, в примерах, где отсутствуют обращения, студенты даже не обратили на это внимание, а преподаватели указали, что письмо недостаточно вежливо, так как в нем нет обращения.

Совсем разные представления у студентов и преподавателей о сопроводительных письмах. В анкете было предложено два сопроводительных письма без всякого рода пояснений, в одном из них была обозначена только тема:

1. *«Тема: Документы на стажировку, Иванова Даша ИЯ10-01
3 файла [Скачать одним архивом \(13-11-2012_.zip\)](#)»*
2. *«1 файл [Скачать](#)»*

Первое письмо получило от студентов исключительно положительные отзывы: «ничего лишнего», «очень конкретно и удобно», «устраивает», «все хорошо в сообщении: тема есть, потому что когда в почте откладываешь сообщения для более позднего просмотра, то, во-первых, его потом будет проще искать среди других сообщений, во-вторых, если ты про него забудешь, то пролистывая список, легко вспомнишь». Мнение преподавателей разделилось – половина опрошенных ответила, что такое письмо лаконично и понятно, другая половина отметила, что, возможно, проигнорировала бы письмо, в котором не соблюдены никакие этические нормы, нет ни обращения, ни подписи, ни информации об отправляемом документе.

Ко второму письму у всех преподавателей были отрицательные комментарии, так как, открыв такое сообщение трудно понять от кого это сообщение, какой документ приложен, и с какой целью он отправлен. К тому же, подобные письма нередко попадают в спам. Как правило, на такие письма преподаватели отвечают редко. Студенты считают такое сообщение допустимым и сами часто отправляют файлы без информации о прикрепленном документе. Но многие сделали пометки в анкете, что такое письмо приемлемо только тогда, когда адресат и адресант договорились об отправке какого-либо документа совсем недавно, тогда получателю будет понятно это письмо. Если же документ отправлен спустя какое-то время, получателю будет нелегко разобраться в таком сообщении, особенно если ему часто посылают подобные письма.

К письмам, в которых структура сообщения и все элементы этикета соблюдены были только положительные комментарии: «все устраивает, ответила бы с удовольствием, все нормы соблюдены», «очень мило», «написано все в официальной форме и ничего лишнего, все понятно», «все устраивает, очень вежливо», «приятно, присутствует обращение, соблюдены все нормы» и т.п.

Таким образом, анкетирование показало, что деловая интернет-переписка воспринимается преподавателями и студентами несколько по-разному, что может спровоцировать коммуникативную неудачу. Поэтому остро стоит проблема выделения правил ведения деловой интернет-переписки, доступных и понятных всем участникам деловой интернет-коммуникации. Также немного различны представления студентов и преподавателей об употреблении в электронных письмах формул вежливости. Преподаватели, как правило, серьезно относятся к этикетным элементам в письмах и негативно отзываются о сообщениях, в которых эти элементы упущены. Студенты же далеко не всегда используют все необходимые формулы вежливости при написании письма, аргументируя это экономией времени адресата и адресанта, для них более важно быстро и кратко сообщить информацию или задать вопрос.

Для студентов более привычной является такая форма коммуникации, какая встречается преимущественно в социальных сетях, то есть ориентированная на краткость и пропуск лишних элементов, в том числе и этикетных. Но электронная переписка в ситуации делового общения не имеет ничего общего с общением на форумах, чатах и социальных сетях и подчиняется правилам ведения обычной деловой переписки, отличаясь от нее лишь наименьшим количеством стандартных элементов делового письма – реквизитов. Из всех необходимых реквизитов бумажного делового письма в электронном сообщении должны присутствовать только тема письма, приветствие и обращение к адресату, заключительная формула вежливости. Стоит отметить, что перечисленные выше элементы являются не только структурными, но и этикетными, и их пропуск говорит о неумении отправителя составлять письма, отвечающие нормам гармоничной вежливой коммуникации. Студенты и преподаватели находятся в сфере официальных отношений, поэтому переписка между ними должна подчиняться правилам делового общения.

Список литературы

1. Аитова Х.Р. Речевые этикетные формулы обращения к собеседнику (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень, 2003. 19 с.
2. Аниськина Н.В. Формирование профессиональной дискурсивной компетенции у студентов-филологов в сфере письменного делового общения: автореф. дис. ... канд. педаг. наук: 13.00.08. Тольятти, 2009. 243с
3. Басаков М.И. Как правильно подготовить и оформить деловое письмо: Учеб.-практ. пособие. М.: Дашков и К°, 2003. 112 с.
4. Демченко Е.В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Ростов-на-Дону, 2007, 24 с.
5. Евсеева И.В., Кожеко А.В., Лузгина Т.А. Речевая агрессия и вежливость в интернет-коммуникации школьников // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/115-11863> (дата обращения: 28.01.2014)
6. Кимпалу Жюстен. Русское обращение в деловой письменной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01М., , 2009. 202 с.
7. Кузнецов И.Н. Делопроизводство: Учебно-справочное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2006. 520 с.
8. Луцева О.А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох, конец XIX - первая четверть XX века: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. - Таганрог, 1999. 151 с.

УДК 81'37

СЕМАНТИКА СЛОВА ЧЕЛОВЕК В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Кожина О. В.

научный руководитель канд. филол. наук Башкова И. В.

Сибирский федеральный университет

В данной работе в соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен человек в индивидуально-авторской картине мира А.А. Вознесенского через анализ семантики слова *человек*. Анализ проведен на материале сборника «Тьмать», где содержится около 500 стихотворных и прозаических произведений А.А. Вознесенского, созданных им более чем за полвека.

Главные идеи внутреннего мира автора и специфику его языка и стиля эффективно раскрывает анализ семантики идиоглоссы– лексической единицы с высокой частотой употребления, содержанием которой является не только семантическая составляющая, но и мироформирующая функция строительного элемента в картине мира автора [Караулов, 2003, с. 112]. Анализ с позиций семантического направления в лингвоперсонологии [Башкова, 2011], применённый к текстам сборника «Тьмать», позволил выявить 5 наиболее часто употребляемых слов: *жизнь, небо, поэт, женщина* и *человек*. Слово *человек* имеет наибольшее количество дериватов чаще остальных употребляется совместно со словами *жизнь, небо, поэт, женщина*, благодаря чему вступает в различные ассоциативно-деривационные отношения. Количественный подсчёт показал, что слово *человек* встречается в сборнике «Тьмать» 135 раз, а его дериваты – 50 раз. Следовательно, можно сделать вывод, что лексема *человек* является идиоглоссой в художественном дискурсе А.А. Вознесенского.

В толковом словаре С.И. Ожегова даются следующие толкования рассматриваемой лексемы: «ЧЕЛОВЕК, -а, в знач. мн. употр. люди, -ей (человеки – устар. и шутол.; косв. п. человек, человеками и т.д. только в сочетании с количественными словами; зват. п. человеке в обращении – устар. и шутол.), м. 1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. 2. В России при крепостном праве: дворовой слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга».

Как видим, здесь представлен только когнитивный макрокомпонент значения слова. Компонентный анализ показал, что он такой же и в дискурсе А.А. Вознесенского, однако в большинстве его произведений выявляется и прагматический макрокомпонент значения этого слова, он включает ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, практически отсутствующие в словарях русского языка. Было обнаружено, что слово *человек* имеет следующие значения:

1) Человек – существо нечистоплотное, живущее в дисгармонии с природой: «Одна знакомая лошадь предложила: /“Человек – рассадник эпидемии. / Стоит уничтожить человечество – грипп прекратится...”» (Грипп «Гонконг-69», 1969); «Человек хочет выразить себя иначе, / чем предопределено природой» (Портрет Плисецкой, 1966); «Все ходят вертикально, но нет, человек / стремится к горизонтальному полёту» (Портрет Плисецкой, 1966) и др.;

2) Человек – это скудоумный потребитель: «В ресторане ловят голого. / Он [человек] гласит: "Долой невежд! / Не желаю прошлогоднего. / Я хочу иных одежд"»

(Новый год в Риме, 1963); «Прошёл он двери Ада, невредим, / Пред Данте открывались двери Бога. / Но люди, рассуждавшие убого, / Дверь родины захлопнули пред ним» (Мемориал Микеланджело) и др.;

3) Человек – это губитель всего живого: «Я шёл меж сосен голубых, / фотографируя их лица, — / как жертву, прежде чем убить, / фотографирует убийца. / Стояли русские леса, / чуть-чуть подрагивая телом. / Они глядели мне в глаза, / как человек перед расстрелом. / Дубы глядели на закат. / Ни Микеланджело, ни Фидий, / никто их краше не создаст. / Никто их больше не увидит. / "Окстись, убивец-человек!" — / кричали мне, кто были живы. / Через мгновение их всех / погубят ядерные взрывы. / "Окстись, палач зверей и птиц, /развившаяся обезьяна! / Природы гениальный смысл / уничтожаешь ты бездарно"» (Сон, 1983); «Земля пустела, как орех. / И кто-то в небе пел про это: / "Червь, человек, короед, / какую ты сожрал планету!"» (Сон, 1983) и др.;

4) Человек – это носитель таких качеств, как неопытность, смертность, безнравственность и безуспешность, а душа человеческая пуста и темна: «Неопытен друг двуногий. / Вы, белка и колонок, / снимите силки с дороги, / чтоб душу не наколол» (Роща, 1968); «Безнравственные люди поучали его нравственности» (Мемориал Микеланджело); «Приближается век мой к закату — / ваш, мои отрицатели, век. / На стол карты! / У вас века другого нет. / <...> / Историческая симметрия. / Свет рассветный – закатный снег. / Человечья доля смиренная — / быть как век» (Монолог века, 1979); «Смертны камень, и воздух, / и феномен человека» (Речь, 1980); «Бесчеловечный климат заклиненного ума, / всеобщее равнодушие, растущее, как стена. / Как холодает всюду! Валит в июле снег. / И человеческий климат смертен, как человек» (Я перевёл стихотворенье «Тьма» как «Ядерная зима», 1987); «Что за такая в сердце разруха, / мстящая людям? / Я не покину тебя, невезуха. / В людях побудем» (Невезуха, 1979) и др.

Семантический анализ показал, что в сборнике «Тьмать» в 42% контекстов словочеловек обладает негативными коннотациями, в 35% случаев нельзя говорить об эмоционально-оценочных смысловых признаках, так как значение данного слова соотносимо со словарным. Однако 23% употреблений слова человек содержит положительные коннотации. Несмотря на высокий процент негативных коннотаций этого слова, автор сохраняет надежду на исправление человека и верит в то, что «человек на 60 процентов из химикалиев, / на 40 процентов из лжи и ржи... / Но на 1 процент из Микеланджело!». Даже тогда, когда поэт указывает на то, что человек – это существо гадкое и неблагородное, он даёт ему (человеку) ещё один шанс: «Среди грязи, несущейся по касательной, / (компроматы сейчас – наградные листы) / я ищу на людей – пока бездоказательно — / компромат чистоты. / <...> / Пусть живу я не чище, чем тысячи тысяч. / Но на Страшном суде, ставши в очередь в ад, / доказав Всевышнему аутентичность, / предъявлю за людей чистоты компромат» (Поэма «КОМПРА», 1996). Поэт точно знает, чем прекрасен человек: «Но выше Жизни и Смерти, / пронзающее, как свет, / нас требует что-то третье, — / чем выделен человек. / Животные жизнь берут. / Лишь люди жизнь отдают. / Тревожаще и прожекторно, / в отличие от зверей, — / способность к самопожертвованию / единственна у людей» (Неизвестный – реквием в двух шагах с эпилогом, 1964). А. А. Вознесенский убеждён, что «Все прогрессы — / реакционны, / если рушится человек. / Не купить нас холодной игрушкой, / механическим соловейчиком! / В жизни главное – человечность» (Оза, 1964).

Таким образом, сопоставление словарных значений слова человек с семантикой, закладываемой А.А. Вознесенским, показало, что когнитивный макрокомпонент значения в творчестве поэта хорошо соотносится с толкованиями, представленными в

словарях русского языка. Однако особенностью индивидуального словоупотребления является то, что поэт-шестидесятник актуализирует прагматический макрокомпонент в значении этого слова. Проведённый анализ показал, что для А.А. Вознесенского человек – это не просто существо физическое, материальное, состоящее из плоти и крови; не просто существо социальное и вместе с тем «отдельное» и самоценное. Человек – это существо, способное к самопожертвованию и к проявлению чувств, сбившееся с праведного пути, но способное на него вернуться. Тяга к новому и умение совершенствоваться даёт надежду на его перерождение, возможность чуда спасает человека. И как бы ни был человек противопоставлен природе, он её наследник и в этом естественен.

Список литературы

1. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 411 с.
2. Вознесенский А.А. Поэтический сборник «Тьма» // М.: Время, 2008. 640 с.
3. Караулов Ю.Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове горячий у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос.ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. М., 2003. № 4. С. 111.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.

**РОЛЬ МОРСКОГО ЖАРГОНА В ФОРМИРОВАНИИ
ЖАНРООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ ФЛОТСКОЙ БАЙКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
СБОРНИКА ПРОЗЫ А.М.ПОКРОВСКОГО «72 МЕТРА»).**

Кротов Н.И.

научный руководитель канд. филол. наук Подберёзкина Л.З.

Сибирский федеральный университет

Некодифицированные формы существования языка долгое время были и, по-видимому, ещё столь же долго останутся объектом пристального внимания языковедов. М.И. Солнышкиной принадлежит справедливое замечание о том, что «исследование особенностей некодифицированных вариантов реализации общенационального языка в отечественном языкознании только развивается» [4, 57], и, подтверждая его, нельзя не отметить, что морской жаргон (да и любой другой) в наше время изучается по преимуществу как таковой, в естественной, метафорически выражаясь, среде обитания. Функционированию же его единиц в рамках иных форм существования национального языка (и в первую очередь языка художественной литературы), внимания уделяется исчезающе мало.

Книга А.М. Покровского «72 метра», вышедшая в 2000 году, включает в себя миниатюры из жизни военных моряков на борту корабля («Орден Хрена Лысого», «По Персидскому заливу» и др.) и на берегу («Ботик Петра Первого», «Сатэра» и др.). Созданные на автобиографическом материале, они представляют собой образцы **флотской байки** – неформального информативного жанра, выделить и описать специфические черты которого является целью представленной статьи. «Значение фамильярных жанров и стилей в истории литературы до сих пор недостаточно оценено» – полагал М.М. Бахтин [1, 203], и настоящая работа призвана отчасти восполнить этот пробел.

Прежде чем приступить к рассмотрению жанровых особенностей флотской байки и места морского жаргона среди них, следует уточнить некоторые термины. Как и в предыдущих исследованиях [3], здесь и далее мы будем понимать морской жаргон в широком смысле, как некодифицированную часть морского социально-профессионального подъязыка вообще. Как следствие, в состав морского жаргона неизбежно включаются «профессиональные дублеты терминов – *профессионализмы*, нередко отличающиеся от термина образностью своей внутренней формы и всегда языковой экономией речевого материала» [2].

Т.В. Шмелёва в своём труде [5] перечисляет необходимые для выделения жанра характеристики. Будучи информативным жанром, флотская байка необходимо включает событийную пропозицию существования и/или действия, а также характеристику обстоятельств. Диктумная перспектива её перфектна, в результате чего в предельно обобщённом виде повествование выглядит как: *«на флоте и/или при участии моряков произошло X»*. Будучи в то же время неформальным жанром, флотская байка дистинктивно отличается от, например, записи в судовом журнале или рапорта флотскому начальству, которые при сходном диктумном содержании и коммуникативной цели являются жанрами официальными.

Первый жанрообразующий фактор – **образ автора** флотской байки характеризуется включением в авторскую компетенцию владения морским жаргоном как следствием принадлежности к говорящей на нём группе людей. Употребление жаргона вкупе с некоторыми иными речестилистическими особенностями характеризует коммуникативную ситуацию как неформальную (подробнее об этой

функции жаргонной лексики в художественном тексте см. [3, 53]), в которой возможно употребление жаргонной лексики не вследствие *необходимости* в языковой экономии, а вследствие *привычки* к таковой, выработанной во время прохождения службы на флоте. Будь коммуникативная ситуация формальной, автор избрал бы вместо жаргонных номинаций их кодифицированные синонимы.

Ещё одна особенность образа автора заключается в специфическом использовании номинаций лиц. Она наглядно прослеживается на примерах:

*Как вы думаете, что будет с входной дверью в квартире **старнома** (усечение от «старший помощник» – Н.К.), если в замочную скважину со стороны подъезда ей, или, может быть, ему, залить эпоксидную смолу? Наверное, ничего не будет.*

*Утром дверь у **старнома** не открылась — замок почему-то не вращался. Собака заскулила, ибо она почувствовала, что останется гадить в комнате. Он тоже почувствовал.*

*Сначала **старпом** хотел кричать в форточку, но потом ему вспомнилось, что существует такое бесценное чудо на флоте, как телефон.*

***Старпом** позвонил распорядительному дежурному:*

*— Это говорит **старпом** Попова Павлов.*

«Давай!»

*Наш корабельный **док** (усечение от «доктор» – Н.К.) бесцеремонно, как дрессировщик ко льву, залез в пасть к Паше-артиллеристу и надолго там заторчал.*

*Я бы **доку** свои клыки не доверил. Никогда в жизни. Паша, наверное, тоже, но его так разнесло, беднягу.*

*— Пойду к **доку** сдаваться, — сказал нам Паша, и мы его перекрестили. Лучшие сразу выпить цианистого калия и не ходить к нашему **доку**.*

«Пасть»

***Зам** (усечение от «заместитель командира по политической части»); встречается также вариация **замполит** – Н.К.), появившись, двинулся назад. В тот день он не осматривал корму.*

*Вечером на докладе от него все чего-то ждали. Всем, кроме командира, было известно, что у **зама** кончились доски.*

*— Александр Николаич, — сказал командир **заму** в конце доклада, — у вас есть что-нибудь?*

*И **зам** встал. У него было что сказать.*

*— Товарищи! — сказал **зам**. — Я сегодня наблюдал вопиющую безответственность! Причем все делается при непрерывно несущейся вахте. И все проходят мимо. Товарищи! В корме пропали все доски. <...>*

— погоди, — опешил командир (как всякий командир, он все узнавал последним), — какие доски?

*И **зам** объяснил.*

«Дерево»

В приведённых отрывках легко заметить лексическую избыточность морских жаргонных и общежаргонных номинаций. Автор явно избегает синонимичных им референций, таких как называние персонажей байки по фамилии, имени-отчеству или воинскому званию, хотя текстовое окружение предоставляет ему такую возможность, ибо фамилия старнома (Павлов) и имя и отчество замполита (Александр Николаевич) – автору, безусловно, известны и даже приведены им в порядке цитирования. То есть для авторского сознания релевантна идентификация героев именно по судовой специальности и никакая иная. Б.Л. Бойко обращает внимание на «наличие стереотипов в речевой практике военных моряков, отражающих коммуникативные потребности общества» [2]. По всей вероятности, перед нами один из подобных стереотипов,

приобретённых в условиях службы на военном флоте. Это предположение подтверждается высокой степенью парцеллированности авторской речи, что сближает её с «рублёным» стилем речи кадровых военных.

Встречаются, однако, и примеры, когда синонимичные референции актуализируются:

— *Пойду к доку сдаваться, — сказал нам Паша, и мы его перекрестили. Лучшие сразу вытить цианистого калия и не ходить к нашему доку. Начни он рвать зубы манекену — и манекен убежит в форточку. Не зря его зовут «табуретом». Табурет он и есть.*

<...>

— *Все! — сказал ему Табурет. — Получите, — и подарил Паше его личный осколок.*

«Пасть»

Нашего комдива — контр-адмирала Артамонова звали или Артемоном, или «генералом Кешей».

<...>

Вышли мы однажды в море на сдачу задачи с нашим «генералом», и была у нас не жизнь, а дикий ужас. Когда Кеша в очередной раз полез к нашему боцману, у нас произошла заклинка вертикального руля... <...>

Потом Кеша что-то гаркнул трюмным, и они тут же обнулили штурману лаг.

<...>

Генерал Кеша побагровел, вскочил и заорал:

— *Штурман! Вы что, рехнулись, что ли? Что вы себе позволяете? Да я вас...*

Не в силах выразить теснивших грудь чувств, комдив влетел в штурманскую, увлекая за собой штурмана.

<...>

Наконец дверь штурманской распахнулась настежь. Из нее с глазами надетого на кол филина выпорхнул комдив. Пока он летел до командирского кресла, у него с головы слетел редкий начес, образованный мученически уложенной прядью метровых волос, которые росли у комдива только в одном месте на голове — у левого уха.

Начес развалился, и волосы полетели вслед за комдивом по воздуху, как хвост дикой кобылицы.

Комдив домчался и в одно касание рухнул в кресло, обиженно скрипнув. Волосы, успокоившись, свисли от левого уха до пола.

«Орден Хрена Лысого»

Армейские прозвища также входят в состав военно-морского жаргона, точнее — его «диалекта», область бытования которого не выходит за границы отдельно взятого подразделения [2]. Употребление их ещё раз подчёркивает погружённость автора в среду носителей военно-морского жаргона, в которой общепринята и значима идентификация лиц именно таким способом, отсюда — референция посредством их также может считаться жанрообразующим фактором флотской байки.

В противоположность образу автора, образ адресата во флотской байке довольно аморфен — отсутствуют указания на иерархические (да и вообще какие бы то ни было) отношения адресата с адресантом, хотя возможность для их выражения морской жаргон определённо предоставляет. С уверенностью включить в «типическую концепцию адресата» [1, 200] можно лишь то, что владение морским жаргоном в неё не закладывается — на это указывает, в частности, пояснение автором слов, чья внутренняя форма невыводима из внешней:

Перед ним остановился проверяющий из Москвы, отглаженный и свежий капитан третьего ранга (два выходных в неделю), служащий центрального аппарата, или, как их еще зовут на флоте, «подшакальник».

«Ботик Петра Первого»

В разложенный на столе ЖБП — журнал боевой подготовки — он запросто нагадил, пролетая мимо.

«Пардон»

*Это наше с Сергеем место службы — тральщики бригады **ОВРа**.*

ОВР — это охрана водного района. Как засунут в какой-нибудь «водный район», чтоб их, сука, всех из шкурки повытряхивало, так месяцами берега не видим.

«Собака Баскервилей»

То, что такие пояснения однократны и, будучи даны однажды, не повторяются в нижеследующих байках, следует, по всей видимости считать указанием на то, что весь корпус приведённых баек воспринимается автором как текстуальное единство.

*- <...> Пока я **ЖБП** писать буду в тапочках!*

«Хайло»

Резюмируя вышеизложенное, считаем закономерным вывод: ключевым жанрообразующим фактором флотской байки является образ автора-рассказчика, которому придаются черты, типичные для речевого портрета профессионального моряка. Разрыв связи образа автора со средой бытования морского жаргона приводит к разрушению жанра.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. / Бахтин М.М. Собрание сочинений / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; ред. С. О. Савчук. – М.: Русские словари. – Т.5 / РАН. Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 1997. – С.159-206.

2. Бойко Б.Л. Военно-морской жаргон экипажа корабля (штрихи к коллективному речевому портрету) [Электронный ресурс] – М., 2003. URL: <http://bb39.livejournal.com/#item912>. – (Дата обращения: 12.И.2015)

3. Кротов Н.И. Морской жаргон как выразительное средство художественного текста (на материале романа В.С.Пикуля «Океанский патруль»). – Молодёжь и наука: в 3 т.: материалы конф. Т.1. Ч.2 / отв. за выпуск А.Н.Тамаровская. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 51-55.

4. Солнышкина М.И. Тезаурус профессионального подъязыка и его пополнение // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2006. – №5. С.57-61.

5. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра. [Электронный ресурс] – Саратов, 1997. URL: <http://gigabaza.ru/doc/82583.html>. – (Дата обращения 20.И.2015)

КОММУНИКАТИВНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВОВЛЕЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УЧЕБНЫЙ ДИАЛОГ

Лапеткина Е.В.

научный руководитель канд. филол. наук Шмульская Л.С.

Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ

Новые требования к уроку русского языка предполагают использование на уроках интерактивных форм обучения, в основе которых лежит, прежде всего, диалог. Учебный диалог может иметь разнонаправленный характер, а именно учитель ↔ ученик, ученик ↔ ученик. Наибольшую сложность, на наш взгляд, представляет организация на уроках русского языка в начальной школе диалога между учениками. Трудности объясняются тем, что дети этой возрастной группы не имеют навыков общения на научные темы (а учебный диалог относится именно к научно - учебному подстилю), поэтому вовлечь в такое общение удастся далеко не всех. Кроме того, младшим школьникам достаточно сложно соблюдать этические правила ведения диалога (уметь слушать, контролировать свои эмоции, объективно и беспристрастно оценивать высказанные одноклассниками суждения и т.д.). Одним из способов вовлечения детей в учебный диалог является коммуникативная игра.

Коммуникативная игра представляет собой учебное задание, включающее языковую, коммуникативную и деятельностную задачи [1, с. 30]. В коммуникативных играх предусмотрена работа в парах, больших и маленьких группах и целым классом, при этом участники должны иметь возможность свободно продвигаться по кабинету. Основная цель коммуникативных игр состоит не в решении лингвистических задач, а в организации неподготовленной коммуникации.

Приведем примеры игр, которые могут быть использованы учителем русского языка для включения детей в учебный диалог. Данные игровые задания были апробированы в одной из школ г. Лесосибирска.

Коммуникативная игра «Быстрый ответ». Игра направлена, прежде всего, на формирование предметных умений, а именно на закрепление понятия «безударная гласная в корне слова» и способствует развитию умения распознавать безударную гласную в корне слова, находить проверочные слова. Представленное в игровой форме упражнение развивает мышление, внимание, память, наблюдательность учащихся; прививает интерес к русскому языку, чувства коллективизма, взаимопомощи.

Условия игры: каждому учащемуся выдается лист со словом. Ведущий указывает на игрока, который должен отвечать. Отвечающий быстро называет гласную, которую необходимо проверить в корне, и подтверждает ответ проверочным словом.

Перечень слов: *дождливый, хвостатый, холмистый, глазастый, земной, тяжёлый, ходить, возить, варить, часы, старушка, тропинка, садовый, лесной, речной, бежать, плясать, вязать, глядеть, платить, стерпеть, косить.*

В данной игре учащийся, который указывает на игрока, выступает в роли учителя. Его задача – проверить правильность ответа, а если отвечающий затрудняется, то дать самому правильный ответ. Безусловно, особую трудность испытывал ученик, играющий роль учителя, поскольку сказался фактор волнения. В результате не сразу получилось вжиться в роль, предложения в начале игры были неполные и несколько обрывочные. Несмотря на то, что ребенок хорошо знал пройденный материал, он все же путался в ответах.

В представленной выше игре реализуется учебный диалог между учениками. Перед началом игры учитель должен предупредить детей о том, что им необходимо

подумать, какие фразы они будут использовать. Можно предварительно составить речевые памятки для учеников, выполняющих разные коммуникативные роли.

Коммуникативная игра «Расшифруй и найди лишнее». Игра способствует расширению кругозора учащихся, развитию мышления, воображения.

Условие игры: учеников класса необходимо разделить на 3 команды. Каждая команда получает лист с зашифрованными словами.

Слова для 1 команды	Слова для 2 команды	Слова для 3 команды
ултс	ошкла	шкако
фкаш	омд	цаяз
отсл	ёдит	снолей
сивкраый	газмаин	авроко

Данное упражнение соответствует игре, поскольку в нем четко прослеживается элемент соревновательности. Задача учащихся - посоветовавшись, расшифровать слова и найти лишнее. Если команда готова, она берется за руки и поднимает их вверх. Затем следует проверка задания учителем.

Предполагается, что решение данных лингвистических задач осуществляется прежде всего через диалог между участниками одной команды. Наблюдение за детьми во время выполнения упражнения позволяет утверждать, что ученики неосознанно использовали метод «Мозгового штурма», т.е. предлагали самые разные варианты слов.

Во второй команде возникла следующая спорная ситуация: зашифрованное слово ёдит большинство из группы расшифровали как «дитё», но один из учеников опроверг подобную «расшифровку», предположив, что проверочное слово «дети». Подобные ситуации, безусловно, способствуют развитию определенных коммуникативных умений: аргументировано формулировать свою точку зрения, вступать в учебный спор и т.д.

По окончании урока считаем целесообразным проведение рефлексии, во время которой ученикам предлагается определить свои успехи и неудачи, оценить работу своих одноклассников.

Нужно отметить, что сама ситуация игры несколько раскрепощает школьников, позволяет им смелее высказывать свою позицию, проявлять инициативу. Таким образом, коммуникативные игры позволяют организовать учебный диалог, в процессе которого формируются как предметные, так и метапредметные умения.

Список литературы

1. Борисов, Е. А. Влияние ролевой, коммуникативной игры на обучение английскому языку / Е. А. Борисов // ИЯШ. – 2002. – № 3. – С. 29–31.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «МАЙДАН» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ О КСТМ

Ленкевич А.В.

научный руководитель д-р. филол. наук Ким И.Е.

Сибирский федеральный университет

Доклад посвящен изменению семантики и синтаксического поведения слова майдан, обусловленному современной социально-политической ситуацией.

То, что изменение произошло и даже происходит непосредственно на наших глазах, делает тему исследования чрезвычайно актуальной

В ходе подготовительной работы была сделана выборка контекстов из печатных СМИ и блогов, в которых употреблялась интересующая нас единица. Общий объем собранного нами материала 350 примеров.

В работе использованы следующие методы:

- В сборе материала - методика сплошной выборки;
- наблюдение и количественный подсчет;
- сравнительно-описательный анализ;
- методика анализа «ключевых слов текущего момента» разработанная Т.В. Шмелевой [«Текущие слова данного момента». Красноярск, 1993].

Предметом нашего текущего научного исследования является обозначение политических ситуаций в русском языке. Слово «Майдан» оказалось в фокусе нашего внимания как в «ключевое слово текущего момента» (далее КСТМ) в прошлом. Согласно работе Т.В. Шмелевой [«Текущие слова данного момента». Красноярск, 1993] КСТМ определяются по следующим лингвистическим приметам:

1. Частотность

2. Текстовое пространство. Заголовки: «Революционный *Майдан* как арт-объект» («РР» №6(334) 13-20 февраля 2014); «К какой войне готовятся боевые отряды *Майдана*» («РР» №11 (339) 20-27 марта 2014), появление на новостных сайтах одноименного раздела.

3. Грамматический потенциал (майдановцы, майданщики, майданутые, евромайдан, автомайдан, майдановский)

4. Синтагматика слова (Если уж Янукович решился пойти на такой шаг, когда ему за это может грозить второй *Майдан*, то нынешним российским властям опасаться народных волнений нечего; И то, что первый *Майдан* разогнали, приведет к новым всплескам протестов; Убеждая несговорчивого Ющенко, что "бить друг друга не время" После ратификации в Раде под яичный обстрел и дымовые шашки соглашения по Черноморскому флоту Юлия Тимошенко собирает новый *Майдан*).

5. Парадигматика («Майдан» как синоним слова «революция»)

6. Онимическое употребление (Информационный центр «*Майдан* мониторинг»; стратегическая онлайн игра майдан Maidan.ru;)

7. Дефиниции

8. Языковая рефлексия

9. Языковая игра

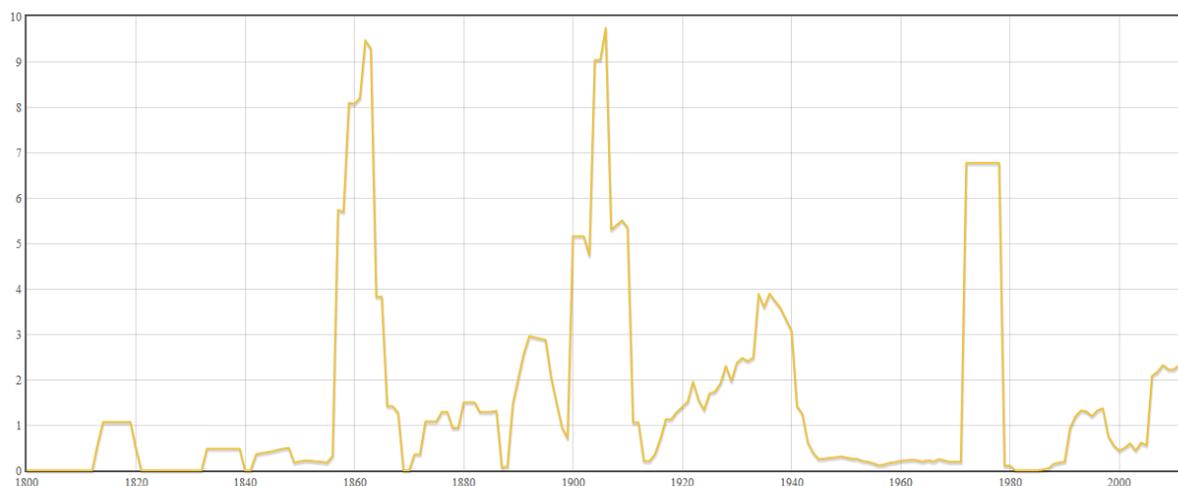
Более подробно остановимся на соотношении синтаксического поведения (синтагматики) и лексической семантики слова которая наблюдалась в середине 2014 г.

В Толковом словаре Ушакова «Майдан» от араб. majdan 'площадь', имеет значение на юго востоке и юге СССР 'рынок, рыночная площадь'. Этимологический словарь М. Фасмера дает такие данные: 'площадь, место сходов'; 'просека в лесу на высо-

ком месте»; 'смолокурня', арханг. (Подв.), стар. Маидагн 'базарная площадь' (Хожд. Котова 84 и сл.). Из тат., кыпч., казах., туркм. Maidan 'ровное, свободное место', тур., крым.-тат. maidan (Радлов 4, 1990, 2069). Таким образом, первоначальное значение этого слова – это место сбора/скопления большого количества людей.

Опираясь на статистические данные «Национального корпуса русского языка», отметим, что с 1800 по 2013 г. чаще всего слово употреблялось в определенные временные отрезки, например в 1906г., 1934г., 1936г., 1972г., 2004г., 2013г. Интересно, что все частотные всплески совпадают по времени с определенными социально-политическими событиями, событиями культурного значения и т.д.

Для анализа изменения семантики слова нами были выбраны два временных отрезка: с 2000г. по март 2014г. и с сентября 2014г. по март 2015г. Первый период был выбран, поскольку во время него произошли два политических события, повлиявших на изменение значения и поведения слова майдан. Второй период – для того, что бы узнать о дальнейшем изменении семантики, которое произошло после того, как «утихли» политические события связанные с ним.

До второй половины 2004г. «Майдан» выступал в своем «словарном» значении, как место сбора людей, сочетаясь с глаголами и предлогами. В составе пропозиции «Майдан» выступал в роли локатива или директива или объекта:

- «Прошлись по *Майдану*, походили по мостику, повела ее вверх по Институтской, вывернули к КабМину, прошлись возле Мариинского, парк, потом этот обгаженный всеми кому не лень мостик любви (нет, ну любите, так приведите место поклонения в порядок, блин), арка, Владимирская горка.» (sunny_milka. 2003-01-31).
- «это у нас на Украине такой зам-мечат-тельный празд-дник... все съезжаются на *maidan* Незалежности и там народно гуляют...». (akula_pera. 2003-01-05)
- «что я гордская сумашедшая - каждый день так выхожу на прогулки по Майдану!». (lazurita. 2002-12-12).
- «Народу из Киева: уж очень хочется посмотреть на новый *Майдан*...у меня уйма фоток старого любимого Майдана и есть фотки Макета нового а самого нового Майдана фоток нет...». (lerka. 2002-06-03)

Последующие изменения значения слова начинаются в 2004 году, в связи с «Оранжевой революцией» на Украине. Основные протестные силы были сосредоточены на Майдане Незалежности – Площади Независимости:

- «Некоторые, наиболее радикальные революционеры сегодня продолжают кричать, что те, кто не был на *Майдане*, не имеют права быть во власти». (kostaki. 2005-

04-25). В данном примере, выражение *на Майдане* означает не место а ситуацию/событие.

- «На этот раз жгут кыргызы, затеяв очередной "майдан", читай – переворот». (miron_gpr. 2005-02-15). *Очередной Майдан* как событие.

- «Если до избирательной гонки о нем можно было грезить как о самостоятельной и достойной фигуре, то на *майдане* и вне его нам предстал человек деградирующий и достойный жалости». (2004_vyboгу_ua. 2005-01-19). В ходе определенной ситуации (майдан) человек проявил себя.

В это время слово из объекта становится субъектом действия, «Майдан» отождествился с протестным движением и стал выполнять роли актантов:

- «С победой *майдана* необходимость в героическом налёте отпала и всё мировое сообщество стало потешаться над клоуном в маске». (nashizm. 2005-02-01). Победа майдана = побед протестного движения.

- «Так весь *Майдан* это всегда знал!» — мужик, по-видимому, не верил моей неосведомленности...» (vilife. 2005-01-27). Весь Майдан = все участники революции.

- «Чес слово, ощущение ровно такое, когда встал *Майдан*, "Москомприватбанк" перестал нармально функционировать, И видать пока там всё неуляжется, он так и будет действовать немного через задницу». (profet. 2004-12-12). Встал Майдан = начало событий революций, пришедшие люди ставят палатки.

После этих революционных событий употребление слова «Майдан» переживает свой спад, так как «утихают» связанные с ним социально-политические действия. Возвращается к основному объектному значению места/территории. Значение Майдана как определенной протестной/революционной силы практически не используется, только в статьях анализирующих или ссылающихся на события 2004г. на Украине.

Следующий всплеск наблюдается в конце 2013г., который связан с известным нам событием вступления Украины в ЕС. Субъектное значение слова начинает преобладать над объектным, это связано с характером действий, в 2004г. они имели менее радикальный характер:

- «потому что тогда *Майдан* стоял всего 16 дней, а сейчас уже третий месяц». (№4(332) 30 января - 6 февраля 2014)

- «отсутствие ярко выраженного лидера - препятствие не только для расширения финансовых ручейков, текущих на Майдан, но и для достижения *Майдном* максимальных целей». (№4(332) 30 января - 6 февраля 2014)

- «поначалу *Майдан* рекламировал свой мирный характер, теперь - спонтанность». (№4(332) 30 января - 6 февраля 2014)

Таким образом, потенциал слова начинает активизироваться, когда с ним связаны крупные социальные, экономические, политические события. Значение слова, его синонимический ряд (революция, оппозиция, событие и т.д.), лексическая сочетаемость расширяются под влиянием приобретения нового значения – Майдан как революция/протестное движение. Украинская Площадь Независимости становится не просто местом, а живым организмом, приобретая все соответствующие характеристики. Из локатива и директива он превращается в агенса и контрагента. По прошествии определенного времени, на период 2015г., повторный анализ показал, что «майдан» утратило статус КСТМ. Слово лишилось критериев частотности, языковой игры, онимического употребления, остановилось развитие грамматического потенциала. Но произошедшие политические потрясения были настолько сильны, что продолжает развиваться синтагматика слова, оно стало именем нарицательным. Семантические новообразования отсылают к событиям 2013-2014гг., а не к «Оранжевой революции» 2004г.

Таким образом, хотя слово и утратило статус КСТМ, в его семантике и поведении сохранились все произошедшие изменения.

Список литературы

- 1) Ким И. Е. Социальные субъекты: принципы номинации / И. Е. Ким // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер.: Филология. История. – 2010. – № 57. – С. 47–51.
- 2) Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
- 3) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986. – 672 с.
- 4) Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск, 1988. – С. 9 – 10.
- 5) Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева. – Красноярск, 1993. – 44 с.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П.ЧЕХОВА

Мануилова А.Е.

научный руководитель канд. филол. наук Подберезкина Л.З.

Сибирский федеральный университет

Термин «речевой жанр» впервые появился в исследованиях М.М. Бахтина. В своей работе «Проблема речевых жанров» автор определяет речевой жанр как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказывания» [Бахтин,1986]. Т. В. Шмелева предложила модель речевого жанра, главным жанрообразующим признаком которой является коммуникативная цель. Внутри каждого отдельного класса жанры различаются по концепции автора (образ автора), концепции адресата, событийному содержанию, образу коммуникативного прошлого и будущего, и языковому воплощению [Шмелева, 1997].

Особое значение речевой жанр как модель организации речи приобретает в рамках учебного процесса. Это связано с тем, что успешное взаимодействие педагога и ученика возможно лишь в условиях эффективной гармоничной речевой коммуникации, одной из составляющих которой является правильный подбор используемых педагогических жанров. Жанры педагогического общения изучались в работах Н.А. Ипполитовой [Ипполитова,2001; 2003], Н.И. Махновской [Махновская,1998; 2003], З.С. Смелковой [Смелкова, 1999], Н.Д. Десяевой [Десяева, 2006; 2013], Т.А.Лебедевой [Лебедева, 2003] и многих др. По мнению Н.Д. Десяевой, под педагогическими жанрами, помимо общепринятых речевых, понимается конспект урока, педагогическая рецензия, устная и письменная монологическая речь учителя [Десяева,2006]. Н.А. Ипполитова рассматривает как специфичные жанры педагогического общения объяснительный монолог, учебно-педагогический диалог, оценочные высказывания, обобщение на этапе подведение итогов, знакомство, приветствие, инструктаж и комментарий [Ипполитова, 2008]. Все эти жанры выделяются исследователями на основе выполняемой ими коммуникативной функции - передача учебной информации и обеспечение ее усвоения школьниками (главная задача педагогического общения).

Преобладание тех или иных жанров в речевом поведении учителя свидетельствует о реализации им в школьной практике определенного педагогического стиля и стратегии. Понимая под педагогическим стилем общения индивидуально-типологические особенности социально-психологического взаимодействия педагога и обучающихся, исследователи преимущественно выделяют демократический и авторитарный стиль. При этом каждому стилю свойствен свой набор определенных жанров [Ипполитова, 2008]. Педагогическая стратегия заключается в устойчивой последовательной ориентации педагога на цель, в умении педагога интерпретировать происходящие события, действия, поступки, факты и случаи с точки зрения проектируемой цели. Основными стратегиями педагогического взаимодействия выступают конкуренция и кооперация, которые также имеют свои особенности на жанровом уровне [Десяева,2006].

Уникальным материалом для выявления особенностей данных педагогических аспектов является художественная проза А.П.Чехова. Перед читателем чеховских рассказов предстает большая галерея преподавателей разных возрастов и уровней профессиональной подготовки, что способствует выявлению характерных черт того или иного стиля и стратегии. Рассмотрение жанрового своеобразия данных категорий

позволит создать разные модели речевого поведения учителя, при сопоставлении с которыми преподаватели смогут выявить нарушения в собственной речевой практике. Указанные факторы обуславливают актуальность нашего исследования, цель которого - на материале рассказов А.П.Чехова выявить жанровую специфику демократического и авторитарного стиля педагогического общения, стратегии кооперации и конкуренции в профессиональной деятельности учителя. Научная новизна данной работы определяется тем, что педагогические традиции, нашедшие отражение в художественных образах учителей А.П.Чехова, не являлись ранее предметом лингвистических исследований.

А.П.Чехов при создании образа учителя в своих рассказах использует, прежде всего, речевые жанры повседневного общения: сообщение («*Французская грамматика имеет 26 букв. Первая буква называется А, вторая В...*» («Дорогие уроки»), просьбу («*К следующему разу по латыни возьмете то же самое*» («Репетитор»), приветствие («*Здравствуй*» («На подводе»), прощание («*Прощайте, мой друг. Доброго здоровья*» («Скучная история»), замечание («*Опять вы не выучили! В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть! Когда же, наконец, вы начнете учить уроки?*» («Репетитор»), благодарность («*Очень вам благодарен даже...*» («Папаша») и т.д. Особое внимание автор уделяет специфическим педагогическим жанрам. Рассмотрим их соотношение с педагогическим стилем и стратегией.

Демократическому стилю, по мнению Н.А.Ипполитовой, свойственно преобладание учебно-педагогического диалога, оценочных высказываний, приветствия, прощания и подробных комментариев [Ипполитова,2008]. Жанровое воплощение данного стиля мы встречаем в рассказе А.П.Чехова «Скучная история». Николай Степанович, профессор с тридцатилетним стажем, всегда стремится к установлению диалога со своими учащимися («*в сравнении с той радостью, какую я испытываю уже 30 лет, когда беседую с учениками, читаю им...*», «*давайте сначала споемся относительно того, что такое диссертация*»), оценивает их в разговоре с коллегами («*В без четверти десять нужно идти к моим милым мальчикам читать лекцию*», «*Мне не нравится, что они курят табак, употребляют спиртные напитки и поздно женятся; что они беспечны и часто равнодушны...*»), реализует фатические педагогические жанры («*Прощайте, мой друг. Доброго здоровья*», «*Очень рад быть полезным, коллега*», «*Извините за не деликатность, но мне, наконец, это надоело!*»). Особенность авторского текста - повествование от первого лица, способствует проявлению языковой рефлексии профессора, т.е. осмысления своей деятельности с целью ее совершенствования. Это выражается в использовании жанра комментария («*Я знаю, о чем буду читать, но не знаю, как буду читать, с чего начну и чем кончу*», «*следить, чтобы мысли передавались не по мере их накопления, а в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины, какую я хочу нарисовать*»). Однако ключевым педагогическим жанром при создании образа преподавателя с демократическим стилем общения становится совет. Н.А.Ипполитова определяет совет как «*директивный педагогический речевой жанр, обладающий бенефактивностью в пользу адресата, но не характеризующийся облигаторностью выполнения действия этим адресатом*» [Ипполитова,2008:78]. Необлигаторность совета проявляется в его низкой эффективности, так как адресат может ему и не следовать. Адресант совета должен располагать большими по сравнению с адресатом знаниями и опытом совершения действия [Там же]. Профессор, основываясь на своем жизненном опыте и педагогическом стаже, дает советы прежде всего своим ученикам: «*По-моему, самое лучшее, что вы можете теперь сделать, это – совсем оставить медицинский факультет. Если при ваших способностях вам никак не удастся выдержать экзамена, то, очевидно, у вас нет ни желания, ни призвания быть врачом*», «*Ну, да!*

Лучше потерять даром пять лет, чем потом всю жизнь заниматься делом, которого не любишь». Жанр совета используется и в общении с коллегами-преподавателями: «Чтобы читать хорошо, то есть нескучно и с пользой для слушателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт, нужно обладать самым ясным представлением о своих силах, о тех, кому читаешь, и о том, что составляет предмет твоей речи», «надо быть человеком себе на уме, следить зорко и ни на одну секунду не терять поля зрения». Как рефлексирующая личность Николай Степанович сам отмечает, что «где другие протестовали и возмущались, там я только советовал и убеждал».

Противоположный стиль педагогического общения представлен в рассказе «Репетитор». Перед нами авторитарный молодой преподаватель, гимназист VII класса Егор Алексеич Зиберов, при описании языковой личности которого на первое место выходят жанры требования и замечания. Требование - определенная форма личных взаимоотношений между людьми, существующая в обществе с незапамятных времен и являющаяся основным приемом в работе педагогов. Данный жанр присущ любому учебному общению («Откройте тетради», «Запишите число», «Сделайте упражнение» и т.д.), однако при демократическом стиле основная функция требований - вызывать и стимулировать или тормозить и прекращать те или иные учебные действия детей, а при авторитарном данный жанр становится формой организации всей учебной деятельности [Ипполитова, 2008]. Требованию характерна эмоциональная окраска и подчеркнутая категоричность («Ну-с... Вам задано четвертое склонение...», «Дайте-ка я разделю!»), оно выражено преимущественно глаголом в форме повелительного наклонения настоящего времени второго лица («Склоняйте fructus!», «Скажите мне, как будет звательный падеж от meus filius...», «Берите доску», «Выучите»). В отличие от требования, которое служит организации деятельности учащихся, замечание - это реакция не только на учебную деятельность, но и на поведение, работу и ее результаты. Н.Д. Десяева выделяет три группы замечаний, наиболее употребительных в речи преподавателя: замечание-угроза, замечание-упрек и замечание-разочарование. Первый тип замечания передает предельное грубое отношение учителя к ученикам и выражает желание воздействовать на учащихся посредством определенной силы. Замечанию-упреку свойственна интонация обвинения, оно также выражает неодобрение учителя по поводу тех или иных действий и поступков учащегося. Особенность замечания-разочарования заключается в характере оказываемого им воздействия: с одной стороны, такие замечания вызывают негативную реакцию учеников, возможно, обиду, злость, а с другой - часто именно они помогают ребенку осознать неправильность своего поведения [Десяева, 2006].

В рассказе А.П.Чехова «Репетитор» перед нами представлены все три рассмотренных типа замечаний: замечание-угроза («Сейчас ты у меня быстро все поймешь»), замечание-упрек («Опять вы не выучили! В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть! Когда же, наконец, вы начнете учить уроки?») и замечание-разочарование («Вы даже второго склонения не знаете! Не знаете вы и первого! Вот вы как учитесь!»).

На жанровом уровне особенности своего воплощения имеют педагогические стратегии кооперации и конкуренции. Кооперация, или кооперативное взаимодействие, предполагает посильный вклад каждого его участника в решение общей педагогической задачи. В системе речевых жанров это учебно-педагогический диалог и беседа. Сущностной характеристикой конкуренции является борьба за приоритет, которая в наиболее яркой форме проявляется в конфликте [Ипполитова, 2008]. Рассмотрим данную педагогическую стратегию на материале рассказа А.П.Чехова «Идеальный экзамен (краткий ответ на все длинные вопросы)». В экспозиции рассказа

перед нами предстают «очень умный учитель и очень умный ученик». При этом автор подчеркивает, что «первый ехиден и настойчив, второй неуязвим». Сам рассказ построен в вопросно-ответной форме. Первая реплика учителя утвердительная - «Вы сейчас сказали, что земля представляет собой шар. Но вы забываете, что на ней есть высокие горы, глубокие овраги, московские мостовые, которые мешают ей быть круглой!». На что ученик отвечает: «Они мешают ей быть круглой столько же, сколько ямочки на апельсине или прыщи на физиономии». После этой фразы начинается ряд вопросов учителя, темой для которых служит предыдущий ответ ученика: «Учитель. А что значит физиономия? Ученик. Физиономия есть зеркало души, которое так же легко разбивается, как и всякое другое зеркало. Учитель. А что значит зеркало?...»). Реплики собеседников эмоционально окрашены: «Довольно, постойте... Ну, а что такое справедливость?», «Скажите, пожалуйста...», «Резонно...». В диалоге учитель и ученик используют образные выражения («Зеркало есть прибор, на котором женщина десять раз в день взвешивает свое оружие», «Жизнь есть гонорар, получаемый не авторами, а их произведениями») и иронию («Боже мой, как вы умны!» «Какой писатель вам больше всех нравится? Тот, который умеет вовремя поставить точку»). Данные реплики являются показателем конфликтной ситуации, которая характеризуется следующими признаками: быстрым развитием, расширением конфликтных тем и действий, умножением негативных установок в адрес друг друга и остротой высказываний. В рассказе это проявляется в оценке самих героев и рассказчика («бесчинство», «драматическая форма»), а также в общей идее рассказа: «Учитель. А не знаете ли вы, кто учинил бесчинство, мозолящее в настоящую минуту глаза читателя? Ученик. Это составляет секрет редакции... Впрочем, для вас я, пожалуй... Я, если хотите, открою вам этот секрет... (шёпотом). Бесчинство учинил на старости лет».

Итак, образовательная деятельность реализуется с помощью особых педагогических жанров, которые, в свою очередь, являются показателями определенного стиля и стратегии общения. Правильный выбор и реализация данных жанров способствуют эффективному взаимодействию между учителем и учеником, а также осуществлению главной задачи педагогического общения - передачи учебной информации и обеспечения ее усвоения учащимися. Большое значение педагогические жанры приобретают при создании художественного образа учителя, особенно при описании его профессиональной речевой деятельности, классические традиции которой ярко представлены в прозе А.П.Чехова.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
2. Десяева Н.Д. Культура речи педагога: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 192 с.
3. Риторика: учеб./ З.С.Смелкова, Н.А. Ипполитова, Т.А.Ладыженская [и др.]; под ред. Н.А.Ипполитовой. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 448 с.
4. Чехов А.П. Повести и рассказы. Вступ. статья Э.Полоцкой. – М.: «Худож. лит», 1999 - 325 с.
5. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. - Саратов: Колледж, 1997. – Вып. №1. С. 88-99.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ)

Милина А.А.,

научный руководитель канд. филол. наук Сперанская А.Н.

Сибирский федеральный университет

В рамках господствующей антропоцентрической парадигмы языкознания феномен обыденного восприятия действительности и его отражение в языке стали одной из самых разрабатываемых тем. Изучение обыденного сознания — следствие поворота исследований к человеку говорящему, его языковой личности. В научный обиход вошли такие понятия как «рядовой носитель языка», «языковое сознание», «обыденное метаязыковое сознание», метатекст, рефлексивы и другие. Ученым стало интересно то, как человек говорящий взаимодействует с языком и то, как его размышления о языке и речи воплощаются [Шумарина 2014. С. 291].

Для понимания обыденного языкового сознания необходимо выяснить, что такое языковое сознание. В современных исследованиях категория языкового сознания связывается с идеей психологической реальности языка для человека, активно разрабатывается при изучении законов речемыслительной деятельности. Основываясь на психологической трактовке сознания, в лингвистике утвердилось понимание языкового сознания как оязыковленного сознания, «вербализированной части сознания» (Ю. Караулов) [Ростова 2006. С.183].

Таким образом, языковое сознание – это вербализированное сознание. То есть весь опыт, хранящийся в человеческой голове, и «поддающийся» вербальной экспликации – и есть языковое сознание. Его часть - метаязыковое сознание (знания о языке, мысли о языке и речи) проявляется в широком диапазоне осознанности: от несознательной рефлексии обычного человека до большого научного труда. Иными словами, обыденное метаязыковое сознание – непрофессиональное представление о языке.

Метаязыковое сознание проявляет себя в виде метаязыковой рефлексии. Под метаязыковой рефлексией, вслед за А.Н. Ростовской, следует понимать «отражение в речи знаний, представлений, суждений о языке и речи» [Ростова 2006. С.183].

В настоящий момент значительная часть исследования посвящена языковой рефлексии как проявлению обыденного сознания, отличного от сознания профессионального.

Объект нашего исследования – любые проявления метаязыкового сознания, эксплицируемые в интернет-комментариях. Запечатленные на фотографиях различные нарушения языковой нормы (образца) вызывают метаязыковую рефлексивную реакцию разного уровня проявленности: от эмоциональной реакции (например, негодование транслируемое междометиями) до развернутых лингвистических комментариев. Материал для анализа взят с публичной страницы «Я люблю русский язык!» сайта «ВКонтакте».

Количество подписчиков – 933 020 человек, молодые и люди среднего возраста. Участники этого интернет-сообщества – интересующиеся проблемами русского языка, преимущественно сторонники его «чистоты» и правильности. Здесь можно увидеть реализацию установки на офографоцентризм, которую, охарактеризовал Н.Д. Голев: «Учись хорошо в школе, чтобы писать правильно».

Обыденность метаязыкового сознания проявляется в том, что выходит на поверхность «в форме осознанной рефлексивной деятельности рядовых носителей языка, объектом которой является сам язык, речь, языковое сознание и языковая личность» [Голев 2009. С. 12].

Перед нами – массовые эмпирические знания и представления, полученные в результате практически-духовного освоения действительности [Вепрева 2005. С. 68].

Говоря о том, в какой форме фиксируется метаязыковая рефлексия – устной или письменной, следует учитывать главную особенность интернет-пространства: интернет – это уникальная среда функционирования живой разговорной речи, запечатленной графически. При этом тематика рассматриваемого нами сообщества усиливает влияние правил письменной речи (расстановка знаков препинания, написание заглавной буквы, внимание к орфографии, рефлексии по поводу опечатки), которые синтезируются с формальными компьютерными возможностями (намеренное использование альтернативной орфографии в различных целях, пиктограммы, чередование больших и прописных букв, капслок и др).

Чтобы более полно описать картину наивных представлений о языке и речи, в метаязыковую рефлексия мы включаем и другие аспекты, например, оценку «рефлекторами» целого спектра сопутствующих нарушению языковой нормы параметров. Поэтому необходимо отметить, что снимки, под которыми помещаются комментарии участников, являются своего рода стимулами к появлению микротема метаязыковой рефлексии.

1. Уровень образования / грамотности человека, совершившего ошибку с выходом на обобщающие суждения об общем уровне грамотности и о школьной подготовке:

*Понятное дело, в глубинке люди не слишком грамотные
А в столицах все до одного грамотеи разве?*

В рамках этой темы частотен поиск причины конкретной ошибки:
скорей всего из приезжих, русский - второй язык.

Может ребенок не знал, что за зверь такой - селезень.)

2. Чужие ошибки неизменно становятся стимулом к поиску правильного ответа на разных уровнях. Например, лексический (обсуждается название помещения, в котором находится горничная):

"Людская" – было бы лучше? Называют же словом "верховой" и всадника, и прогулку. К примеру.

Соня, тогда смею предположить, горничная?

Или синтаксический:

После "петли" нужно поставить тире. да ещё и название города с маленькой буквы...

Dasdeabolish, Восклицательный знак в прямой речи пишется В КАВЫЧКАХ, в отличие от точек.

3. Отдельно можно выделить целый эмотивно-оценочный пласт непосредственной реакции на нарушение языковой нормы – микротема обмена впечатлениями по поводу теста-объекта:

• впечатления / эмоции: - *Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите. (с)*

*ужас!!! *прижал уши под грузом чужой безграмотности**

• особенно частотно высмеивание текста-объекта, его автора:

вышевадь пластелинам липить крестикам;

я ухмыльнулась посмотреть не ухмыльнулась ли она чтоб посмотреть не ухмыльнулась ли я.

4. Посторонние неметаязыковые микротемы. Наименее частотно обращение к содержанию текста объекта, а не на его оформление. Стимулом к рефлексии является не форма, а мысли:

а оскорбительные анекдоты почему-то только про блондинок сочиняют...

Ольга, речной трамвай – великолепное средство от депрессии.

Таким образом, описание микротем в рамках интернет-сообщества метаязыковой направленности позволяет осветить семантический фон экспликации метаязыкового сознания.

Для формального метаязыкового анализа комментариев мы выбрали схему М.Р. Шумариной. Используя оппозицию «свернутая рефлексия» - «светлое сознание», автор выделяет метапоказатели – формальные маркеры (сигналы) метаязыкового сознания. В интернет-комментариях присутствуют следующие «метаоператоры».

1. Собственно метаоператоры. Транслируют прямые метаязыковые сигналы и выражаются материально:

- терминами, вводными конструкциями: *Я полагаю, просто сотрудники в обиходе действительно сокращают выражение "в комнате горничной" просто до "в горничной", но в письменной речи так не надо поступать.*

- прилагательные и наречия с семантикой квалификации речи: *Мы ж русский забыли давно, у нас и магазины все сплошь "Сити":*

- конструкции, оформляющие чужую речь, графические выделения: *"выризать из аригами"* - это что-то. Здесь стоит отметить, что жанр комментария позволяет опускать графические знаки выделения чужой речи. Например, в восклицании *Бычиха!!!* Очевидна цитация без материальных показателей, что свойственно речи устной и интернет-общению.

- знак ударения, многоточие, тире: *Вутак... Это шедевр! Ой записую!*

2. Аналоги метаоператоров. Транслируют косвенные метаязыковые сигналы и выражаются материально:

- конструкциями с семантикой тождества предложения, в которых подлежащее является объектом метаязыковой характеристики, а предикат эту характеристику (как правило, толкование) выражает: *Лариса, нет. Горничная – это человек, и только.*

- вопросно-ответные единства, диалогическая цитация: *Соня, горняцкая? это там, где горняки?*

- местоимения и наречия, способные выражать метаязыковую оценку: *Весело!! забавно!*

- нестандартная графика и орфография. В нашем случае посредством альтернативной орфографии осуществляется языковая игра, в которой орфографическая ошибка порождает другие значения. С помощью этих «других» значений участники группы конструируют различные комические ситуации или находят шуточные объяснения нарушениями:

Люди, все правильно! Это же от слова "ИГРА"! Веселее народ жить стал, вот и играет, дИГРОдирует)))

Ольга, может вид спорта кататься на Аньках? опечатка)).

3. Нулевые метаоператоры. Транслируют косвенные метаязыковые сигналы, не выражаясь материально:

- нарушение языкового стандарта: *АКАКТУДПИСАДЬ?* Нарушение может быть намеренным, если это рефлексия в рамках впечатления от текста.

- воспроизведение стандарта оформления речи: *Ольга, Вы правы. Просто я придала надписи на табличке другой смысл. Представила как, например, ординаторская или детская.*

В итоге работы можно прийти к следующим выводам. Метаязыковая направленность целого интернет-сообщества формирует различные микротемы, внутри которых осуществляется рефлексия. Причем факт «заданности» глобальной темы – «Я люблю русский язык» – выводит в «светлое сознание» даже те метаязыковые показатели, которые формально являются нулевыми. Часть рассмотренного нами интернет-

пространства – сосредоточие проявлений обыденного метаязыкового сознания. Причина такой концентрации метаязыковости в том, что организующей точкой различных рассуждений, представлений на правильность языка и всего того, что её (правильность) сопровождает, является текст-объект с нарушениями языковой нормы. Иными словами, перед нами – метаязыковой синтез плана выражения и плана содержания в обыденности, подобный той «насыщенной» метаязыковостью профессиональной рефлексии, которая звучит на лингвистических конференциях.

Список литературы

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 374 с.
2. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем» // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты ч.1 :коллективная монография / Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2009. С.6 – 42
3. Ростова А.Н. Обыденная метаязыковая деятельность в повседневной коммуникации // Антропотекст : сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора Николая Даниловича Голева: [в 2 т.] / Кемер. гос. ун-т; Томск: Издательство Томского университета, 2006. С. 182- 191
4. Шумарина М.Р. Народная лексикография – феномен современной российской лингвокультуры // Проблемы истории, филологии, культуры №3, 2014. С.291-293
5. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М.: Флинта, 2011. 325 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА: А. И. ДЕНИКИН
Молодых Д.А.,
научный руководитель д-р филол. наук Фельде О.В.
Сибирский федеральный университет

Исследование индивидуальной концептосферы исторической языковой личности (далее – ЯЛ) относится к актуальным задачам отечественной лингвистики. В настоящее время уже насчитываются десятки диссертационных работ, в которых рассматриваются социолингвистические, семиотические, прагматические, когнитивно-коммуникативные особенности языковых личностей деятелей науки, культуры, политики [Бурмакина, 2013; Парсамова, 2004 и т. д.]. В обширном перечне лингвоперсоналогических работ недостает исследований, выполненных на материале, который лишь с недавнего времени вовлечен в лингвистический оборот. В данном случае речь идет о мемуарах так называемой «белой эмиграции». Одним из самых ярких ее представителей был генерал Антон Иванович Деникин, ЯЛ которого является объектом настоящего исследования.

В задачи настоящей работы входит анализ тезаурусного и когнитивного уровней ЯЛ А. И. Деникина. Под языковой личностью, вслед за Ю.Н. Карауловым, понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов, 2010].

Источником исследования являются «Очерки русской смуты», мемуарный цикл, издававшийся за границей с 1921 по 1926 гг. В тексте рассказывается о драматических событиях русской революции 1917 – 1918 гг., а также о событиях гражданской войны вплоть до эмиграции автора в апреле 1920 г. Данный текст в лингвоперсоналогическом аспекте впервые подвергается научному анализу. Выбор источника обусловлен его высокой лингвистической и историко-культурной информативностью.

Антон Иванович Деникин родился 4 декабря 1872 года в городе Влоцлавске (ныне Влоцлавек) Варшавской губернии. В 1890 году он поступил в Юнкерское училище, а два года спустя получил первое офицерское звание. В 25 лет увлекся литературной деятельностью и издавал рассказы и очерки под псевдонимом И. Ночин. Во время гражданской войны принял звание главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России. В марте 1920 г. он навсегда покинул Россию и в этом же году приступил к написанию «Очерков». Над мемуарами Деникин работал более пяти лет в разных странах (Бельгии, Венгрии). Опубликованы мемуары в крупных европейских столицах – центрах русской белой эмиграции: Париже (1 том – 1921 г.) и в Берлине (5 том – 1926 г.). Специфику тезаурусного уровня ЯЛ Деникина А.И. определяют доминирующие темы революции и гражданской войны в России. Автор использует большое число политической и военной терминологии (*кадеты, эсеры, левые социал-революционеры, большевики, казаки, государь, Верховный главнокомандующий, добровольческая армия, фронты* др.). Особенности семантики А. И. Деникина обусловлены не только жанром и темой мемуаров, но и характером, жизненным опытом, идеологическими установками автора. Анализ словарного состава «Очерков русской смуты» позволяет выявить основные сегменты знаний о мире, которые характеризуют личность А. И. Деникина. В этом отношении весьма показательны многочисленные антропонимы, наименования партий, перечни исторических событий и дат. Только во втором томе, посвященном 1917 – 1918 гг., автором упоминается более 50 исторических имен. Среди них имена

членов императорской семьи (Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей), представителей генералитета Добровольческой армии (Корнилов, Алексеев), имена министров Временного правительства (Керенский, Милюков), имена руководителей политических партий и движений того времени (Ленин, Троцкий), публицистов и агитаторов того времени (Суворин, Аладьин), писателей (Л. Толстой). Автором цитируется значительное количество документов того времени, упоминаются учреждения, организации (Временное правительство, Совет, Центральный исполнительный комитет); имеется множество указаний на конкретные события, свидетелем и участником которых А. И. Деникин был лично (подписание Брест-Литовского мирного договора 19 февраля 1918 г. и т. д.). Это свидетельствует об осведомленности автора, степени его погружения в историческую среду. В семантиконе А.И.Деникина важное место занимает эмоциональная лексика. Яркая оценочность характерна для многих контекстов «Очерков». Например, автор использует слова и выражения с мелиоративной коннотацией, когда пишет о своем соратнике генерале А.М.Каледине: «*Каледин принял власть, как тяжёлый крест. Он говорил: «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, спроклятиями...». Русский патриот и Донской атаман!*» (Деникин, т.2); «*Безумные люди! Огненными буквами записано в летописях имя ратоборца запоруганную русскую землю; его не вырвать грязными руками из памятинародной*» (о генерале Л. Г. Корнилове). Резко отрицательно Деникин относится к революционерам, а также к их «попутчикам», называя их «*обывательской тиной*», «*интеллигентским маразмом*», «*советской опричниной*».

Ключевым словом анализируемого текста является слово «революция», которое имеет семантические, синтаксические и контекстуальные синонимы «мятеж», «смута», «большевистский / октябрьский переворот», «анархия, охватившая страну» и др.

В процессе анализа синтаксических особенностей текста «Очерков русской смуты» выявлены генерализованные высказывания и индивидуально-авторские сентенции, которые обычно используются автором в коммуникативно сильных позициях, например, в финале 2 главы: «*Итак, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, «профессиональная привычка» создавали понемногу прочные офицерские кадры Красной армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку*».

Когнитивный уровень структуры ЯЛ А.И.Деникина образуют базовые концепты «революция», «Россия», «Белая армия», «народ», «долг». Образный слой концепта «революция» передают метафоры, среди которых преобладают соматические и природоморфные: «В широких кругах не только чисто обывательских, но и зрелых политически царило убеждение, что новый режим – только *злокачественный нарыв на теле революции*, который очень скоро вскроется, оздоровив наконец немощный, отравленный организм страны». Итак, используемые А. И. Деникиным языковые средства свидетельствуют о масштабе тезауруса ЯЛ и его мировидении.

Список литературы

1. Бурмакина Н. А. Особенности лингвокогнитивного уровня структуры языковой личности первого енисейского губернатора А. П. Степанова // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск. 2013. № 24 (315).
2. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1 – 5. URL:http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html (дата обращения: 3.04.2015)
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

СЕМАНТИКА СЛОВА «СМЕХ» В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «КРАСНЫЙ СМЕХ» И В ЕГО ДНЕВНИКАХ

Нуждова Д.А.

научный руководитель канд. филол. наук Башкова И.В.

Сибирский федеральный университет

Наука о языковой личности – лингвоперсонология – является на сегодняшний день одной из самых актуальных и активно развивающихся областей языкознания. В центре внимания находится человек и всё, что связано с ним: его языковая личность, его эмоции и чувства.

Одним из эффективных направлений в развитии лингвоперсонологии является ее интеграция с семантикой. Данное направление можно обозначить как «семантическая лингвоперсонология».

В соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен смех в картине мира Л.Н. Андреева через анализ семантики существительных и глаголов, обозначающих это понятие, поскольку они репрезентируют основные идеи языковой картины мира и являются ключевыми для понимания специфических особенностей авторской картины мира.

Мы можем называть слово смех в языковой картине мира Л.Н. Андреева «идиоглоссой». Данный термин был введен Ю.Н. Карауловым в статье «Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского)». Он является «производным от понятий «идиолект» (индивидуальный язык автора), и «идиостиль» (индивидуальный авторский стиль) и несет комплексный смысл, слагающийся из того, что эти единицы, во-первых, суть отражение главных мирообразующих и миротформирующих идей автора и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики его языка и стиля. В семиотическом аспекте идиоглосса – это слово-знак, но не обычный, а знак сублимированный, знак второго порядка, поскольку его содержанием является не только семантическая составляющая, как у обычного слова, но также миротформирующая функция строительного элемента в картине мира автора» [Караулов, 2003, с. 111].

Л.В. Карасев, говоря о смехе, пишет: «О смехе нужно писать интересно, либо не писать вовсе» [Карасев, 1996, с.5]. Автор позже поясняет читателю, что под «интересным» имеет в виду обнаружение новых неожиданных связей, соединение крайностей и «разъятие» целостностей, поиск общего в различном и различного в общем.

В первобытности смех мог быть ритуальным, например, осмеяние смерти. Мифы представляют богов не плачущими, а смеющимися, так как смех «относится к целокупным и неизменно движущимся полотнам ... всеобъемлющей энергии» [Аверинцев, 1997, с.71]. Францисканство продолжило путь доброжелательного отношения к смеху, опираясь на смех умеренный, который «не расплескивал души, а открывал ей путь к небу». В христианстве, смех – признак человеческого («человек есть животное мыслящее, смертное и способное смеяться»). М. Горький писал: «...смеется – значит, не скот», – что лишним раз подтверждает уже сказанное.

Слово «смех» определяется в словарях приблизительно однозначно. Сравните:

- «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» («Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля),

- «короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства» («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова),
- «культурно-психологический феномен, в котором выражается способность человека к обнаружению комических ситуаций, содержащихся в жизни и искусстве» («Философская энциклопедия»),
- «прерывистые звуки, вызываемые короткими и сильными выдохательными движениями как проявление радости, веселья, удовольствия и т.п.» («Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой)

В целом, оценку общепринятой семантики слова «смех» можно охарактеризовать как положительную, позитивно окрашенную. Смех – реакция человека на что-то весёлое, радостное, забавное. Сменяются счастливые люди, которые находятся в расслабленном состоянии. В некоторых словарях указываются отрицательные элементы в значении слова «смех»: например «выражающие <...> насмешку, злорадство и другие чувства» («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова), «Злобный, горький смех. Торжествующий смех. Истерический смех. Саркастический смех» («Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова), «саркастический, мефистофелевский. Гордая усмешка. Злорадное ржание недоброжелателей» («Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова). Однако эти периферийные значения также являются привычными для носителей языка.

Перечисленные выше значения являются семантическим ядром слова «смех». Но в индивидуально-авторской языковой картине мира могут реализовываться не только периферийные, но и противоположные значения.

Предметом нашего исследования является семантический сдвиг в семантике слова «смех», который прослеживается в рассказе Л.Н. Андреева «Красный смех» (в сравнении со стандартной семантикой этого слова в его дневниках 1914–1919 гг.).

Рассказ был написан в 1904 году, опубликован – в 1905. Он представляет собой смесь из отрывков рукописи главного героя, вернувшегося с войны, на которой он потерял обе ноги, и выдержек из дневников его брата. Написанный в экспрессионистской манере рассказ описывает ужас и безумие войны, всю её страшную бессмысленность. И, хотя, по словам самого Л.Н. Андреева, произведение стало реакцией на трагические события Русско-японской войны, оно – о войне *вообще*, не имеющей времени, места и национальности.

Символическим воплощением этого кровавого безумия Л.Н. Андреев делает словосочетание «красный смех» и выносит его в заглавие рассказа. Оно встречается в тексте 19 раз, тогда как слово «смех» без этого прилагательного – только 11 раз. Это говорит о том, что данное семантически связанное сочетание играет в произведении главенствующую роль и является одним из наиболее частотных.

Существительное «смех» в привычном, положительном значении упоминается всего дважды, и оба раза – это сцены, описывающие семейную, а не военную обстановку: «...но радость снова вернулась ко мне, когда мне стали готовить постель – настоящую постель, на красивой кровати, на кровати, которую я купил перед свадьбой, четыре года тому назад. Постлали чистую простыню, потом взбили подушки, завернули одеяло – а я смотрел на эту торжественную церемонию, и в глазах у меня стояли слезы от *смеха*» [Андреев, 2013, с.152]; «И сплю я в столовой, куда перебрался совсем: тут спокойнее, и воздух как будто хранит еще следы разговоров, и *смеха*, и веселого звона посуды» [Андреев, 2013, с.171].

К этим случаям примыкают однокоренные глагольные формы, встречающиеся в описаниях семейных сцен и также обладающие традиционным значением:

- «На правой ноге я качал сына, и он смеялся, а теперь...»[Андреев, 2013, с. 146].
- «Я засмеялся. – Чего ты? – спросил брат. – Так»[Андреев, 2013, с. 149].
- «Брат громко засмеялся и сказал: – Мы не молчим» [Андреев, 2013, с. 150].
- «Все громче смеясь, сестра поспешно вышла, а брат сказал уверенно и спокойно:– Да. Ты мало изменился. Полысел немного» [Андреев, 2013, с. 151].

В остальных ситуациях, когда автор описывает всё, что касается происходящего на войне, смех – это некий символический образ, вбирающий в себя смерть и страх смерти, кровь и жестокость. В некоторых отрывках словосочетание повторяется несколько раз в течение одного абзаца, что создаёт эффект семантической насыщенности и усиливает влияние на читателя.

Приведем несколько примеров подобного семантического сдвига в значении слова «смех»:

- «И в этом коротком, красном, текущем продолжалась еще какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех. Я узнал его, этот красный смех. Я искал и нашел его, этот красный смех. Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!» [Андреев, 2013, с. 125].

- «Это красный смех. Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться. Ты ведь знаешь, земля сошла с ума. На ней нет ни цветов, ни песен, она стала круглая, гладкая и красная, как голова, с которой содрали кожу. Ты видишь её?» [Андреев, 2013, с.173].

- «Красный смех!– закричал я, перебивая.– Спасите! Опять я слышу красный смех!»[Андреев, 2013, с. 148].

- «Друзья! У нас будет красная луна и красное солнце, и у зверей будет красная веселая шерсть, и мы сдерем кожу с тех, кто слишком бел, кто слишком бел... Вы не пробовали пить кровь? Она немного липкая, она немного теплая, но она красная, и у нее такой веселый красный смех!...» [Андреев, 2013, с. 148–149].

- «Какой-то кровавый туман обволакивает землю, застилая взоры, и я начинаю думать, что действительно приближается момент мировой катастрофы. Красный смех, который видел брат»[Андреев, 2013, с. 166].

В финале рассказа этот образ персонифицируется в некое апокалиптическое божество кровавого ужаса, и это обозначается именем собственным: «Туда нельзя! – крикнул брат. – Туда нельзя. Взгляни, что там! ... За окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех»[Андреев, 2013, с. 190].

Вне связанного словосочетания отрицательные коннотации лексемы «смех» никуда не исчезают: смех «бессмысленный», «неудержимый», «жуткий», «тяжёлый», «огненный».

Следовательно, изменение значения слова на прямо противоположное – отражение художественного замысла Л.Н. Андреева, и подобный семантический сдвиг указывает на особенности его индивидуально-авторской художественной картины мира.

Несмотря на кажущуюся антонимичность словарного значения слова «смех» и той семантики, которую вложил в него писатель в рассказе, представляется возможным проследить сходство семантики слова у Андреева с определением одной из разновидностей смеха – это так называемый «сардонический смех».

В современном понимании это «язвительный, презрительный смех». Но этимологический анализ указывает на то, что в античности сардонический смех – «смех жертвы, утраты, отречения. Этот смех у греков стал поговоркой в отношении людей, смеющихся в момент своей гибели».

Этимология выражения «сардонический смех» приводится у Павсания в описании природы Сардинии: согласно Павсанию, у источников на этом острове произрастает растение, схожее с сельдереем, съевшие его умирают, смеясь [Павсаний, 2002, с. 919]. По другой легенде, у древних жителей Сардинии был обычай приносить в жертву стариков. Эта церемония происходила при всеобщем смехе, причём смеялись и приносимые в жертву.

В рамках этнографии такой смех трактуется как разновидность ритуального смеха: в ходе ритуала, сопровождающего переход из жизни в смерть, смех превращает смерть в новое рождение, уничтожая убийство.

Сравнительный анализ художественных произведений Л.Н. Андреева и его дневниковых записей показал, что в разных типах дискурса писателя наблюдаются кардинальные различия в семантике слова «смех». Если в творчестве писателя семантический сдвиг в значении слова очевиден: слово «смех» имеет ярко выраженную негативную окраску, то в дневниках это слово употребляется в своём нормальном, стандартном значении.

К примеру, описывая шутивную ситуацию в общении с матерью, Андреев говорит: «Курьезная жизнь! А вчера вечером вез из домика мать на тачке, и оба мы хохотали: это была репетиция беженства, как мы будем удирать отсюда, когда отберут лошадь. Чуть не вывалил ее от смеха» [Андреев, 1994, с. 99]. Здесь существительное «смех» выступает в значении «проявление в человеке чувства весёлости» и не имеет дополнительных отрицательных коннотаций.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что семантика слова «смех» в художественном дискурсе Л.Н. Андреева отличается от семантики этого же слова в его дневниках. Если в рассказе «Красный смех» словосочетание, вынесенное в заглавие, становится воплощением тотального безумия кровопролитной войны и семантически сопоставимо со словами «смерть», «кровь», «страх», «безумие», «убийство», то в записях Андреева нельзя обнаружить никаких значительных изменений в семантике данного слова. Это позволяет сделать вывод о том, что языковая личность Андреева-художника отличается от языковой личности Андреева-обывателя.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: «Coda», 1997. 344 с.
2. Андреев Л.Н. S.O.S. СПб.: Феникс, 1994. 608 с.
3. Андреев Л.Н. Красный смех // Иуда Искариот: Рассказы. СПб.: Издательская группа «Лениздат», 2013. 416 с.
4. Карасев Л.В. Философия смеха. РГГУ, 1996. 214 с.
5. Караулов Ю.Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос.ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. М., 2003. № 4. С. 110–118.
6. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. 4-е изд. М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с. Т. 2. 512 с.

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА КАРЬЕРНЫЙ РОСТ

Пильчук М.Д.

научный руководитель Покушко М.В.

Сибирский федеральный университет

Социально-экономические преобразования, которые происходят в нашей стране последние десятилетия, выдвинули новые требования к профессиональной подготовке специалиста: сегодня требуются специалисты, не только обладающие комплексом глубоких и прочных знаний, но и личности, умеющие сплотить коллектив единомышленников и добиваться выполнения задач предприятия. Сегодня необходимо сделать акцент на подготовке таких специалистов, которые были бы разносторонне и глубоко образованными людьми, творчески мыслящими и быстро адаптирующимися в стремительно меняющемся мире, коммуникативных.

Важность коммуникативных навыков в карьере определяются образовательной политикой РФ, Федеральным законом "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" (2011), Государственным образовательным стандартом профессионального образования. В Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года (2000) одной из основных целей образования выделяет «формирование у молодежи трудовой мотивации, активной жизненной и профессиональной позиции, обучение основным принципам построения профессиональной карьеры и навыкам поведения на рынке труда»[3].

Вопрос формирования коммуникативных навыков будущего специалиста является одной из важнейших в социологической, педагогической, культурологической и психологической литературе. Внимание ученых к вопросам приобретения коммуникативных навыков человеком XXI века объясняется зависимостью между возможностью и качеством существования человека в современном мире и его готовностью, способностью, умением общаться с людьми. Общетеоретические вопросы деловых коммуникаций нашли свое отражение в работах Е.Н. Зарецкой, М.Ю. Коноваленко, Е.И.Кривокопа, Е.А. Покровская, А.М. Руденко и др. Актуальность проблемы формирования коммуникативных навыков подчеркивается большим количеством исследований. В своих работах авторы анализируют различные аспекты коммуникативных навыков: формирование коммуникативных навыков детей дошкольного и школьного возраста (Т.Е. Артемкина, Э.И.Аюпова, Т.В.Воителева, Д.С.Казарова, Л.А.Кузнецова, Е.В.Локтева и др.); формирование коммуникативных умений и навыков в процессе профессиональной подготовки (С.А.Бородай, О.И.Гудыма, И.М.Османова, Л.И.Попова и др.). Авторы на обширном научном материале подчеркивают, что коммуникативные умения и навыки расширяет возможности субъекта вступать в компетентные отношения.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем понятия "карьера", "карьерный рост", "коммуникации", "коммуникативные навыки".

Карьера – определяется как достижение известности, славы или материальной выгоды за счет собственных усилий, максимального использования своих способностей, профессионального мастерства и личностных качеств. Что касается карьерного роста, то он определяется как продвижение работника в области общественно-политической, научной, производственной, служебной или какой-либо другой деятельности[4].

Карьерный рост в любой отрасли не возможен без коммуникативных навыков. Коммуникация (в переводе с латыни означает «общее, разделяемое со всеми») — это

процесс двустороннего общения, ведущей ко взаимному пониманию, а коммуникативные навыки – навыки эффективного общения. Последние определяются как уровень владения человеком коммуникативными действиями по восприятию информации и оценке ситуации, обеспечивающими понимание других людей и построение на этой основе взаимоотношений с ними в ходе совместной деятельности и общения, приводящих к эффективной реализации профессиональных и личных интересов[1].

Процесс формирования коммуникативных умений и навыков является частью учебного процесса. Формирование коммуникативных умений и навыков для профессиональной деятельности предполагает усвоение студентами знаний, необходимых для организации процесса общения и совместной деятельности, что в будущем будет способствовать карьерному росту специалиста.

Для создания общего представления студентов о проблеме влияния коммуникативных навыков на карьерный рост мы провели анкетирование (выборка составила 25 студентов направления «бизнес-информатика в возрасте 18-19 лет»). Цель анкетирования состояла в выявлении у студентов потребности в необходимых умениях; определить какие это умения; выявить подготовленность студентов к учебе и в будущем к профессиональному росту.

На вопрос «Что у тебя не сформировали за время учебы в школе?» студенты дали следующие ответы: умению быстро принимать решение (90%); собранности, умению держать себя в руках (45%); навыкам и умениям речевой деятельности применительно к сфере бытовой и профессиональной компетенции, основам публичной речи (73%); навыкам работы с информацией, требующей обязательного умения излагать, обсуждать и действенно отстаивать мнение (20%); навыкам работы с людьми, взаимодействовать с другими лицами, в частности, в коллективе (15%).

Анализ ответов студентов дает возможность отметить наличие потребности и необходимости развивать умения и навыки речевой деятельности, личностных качеств, умений и навыков общения, что входит в понятие коммуникативные навыки.

Для нас было важно определить уровень самооценки способностей и умений выступать перед аудиторией. Поэтому нас интересовал вопрос «Есть ли у Вас ораторские способности?». Ответы на данный вопрос говорят о том, что ораторские способности не характерны для значительного количества студентов и большая часть испытывает затруднения при публичном выступлении (75%).

Понимая, что выступления с сообщениями, докладами являются важным разделом профессиональной деятельности будущего специалиста, мы включили вопрос «Нравится ли вам выступать перед аудиторией?». Полученные ответы позволяют увидеть следующую картину: большинство студентов (63%) не боятся аудитории. В данном случае это можно объяснить тем, что значительная часть респондентов в период обучения в школе принимали участие в конференциях, молодежных проектах, занимались концертной деятельностью.

Далее мы пытались выяснить самооценку студентами умений общения с людьми и коммуникативных способностей. На вопрос «Трудно ли Вы осваиваетесь в новом коллективе?». На вопрос ответ «Да» дали 15% респондентов. Ответ «Нет» дали 75%. Данные ответы предполагают наличие у студентов уверенности в себе, что объясняется следующим: в последнее время в общеобразовательной школе стало уделяться больше внимания развитию коммуникативных способностей, проводиться мероприятий по обучению работе в команде.

Интересно, что на вопрос «Бывают ли у вас ссоры и конфликты с людьми?» подавляющее большинство студентов (94%) ответило «Да». Поэтому необходимо обучение студентов межличностному общению и взаимодействию, культуре поведения, выдержке, контролировать эмоции.

Далее мы пытались выяснить мнение студентов о качествах личности, необходимых для продвижения по службе специалиста. Студентам было дано задание определить пять наиболее важных качеств личности для профессиональной деятельности. В своих ответах респондента на первые места выдвинули коммуникабельность (80%), ответственность (70%), целеустремленность (60%), трудолюбие (55%). Кроме того, важными качествами личности будущего специалиста, по мнению студентов, являются: профессионализм (30%), честность (25%). Такие качества как собранность, решительность, самостоятельность, умение находить компромиссы, амбициозность были отмечены редко (менее 10%).

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы: большая часть студентов имеют слабое представление о своих речевых умениях и испытывают затруднение при публичных выступлениях, однако не испытывают страха перед аудиторией; студенты свободно осваиваются в незнакомых коллективах, но достаточно большой процент респондентов вступает в различные конфликты; опрошенные достаточно высоко оценивают уровень своих коммуникативных способностей.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает важность наличия коммуникативных навыков будущего специалиста для дальнейшего профессионального роста; выявило необходимость дальнейшего изучения вопроса формирования у студентов коммуникативных умений и навыков для профессиональной деятельности, и будущего карьерного роста.

Список литературы

1. Бородай С.А. Формирование коммуникативных умений и навыков у студентов экономических специальностей: дис... к.п.н. – Чебоксары, 2004. – 194.
2. Зарецкая Е.Н. Деловое общение. – М., 2002. – 696 с.
3. Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года // <http://www.rg.ru/>
4. Руденко А.М. Деловые коммуникации. – Ростов н/Д, 2013-350 с.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О ПРОШЛОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ЖИТЕЛЬНИЦЫ ДЕРЕВНИ ИРКИНЕЕВО БОГУЧАНСКОГО РАЙОНА А.М. СКУРИХИНОЙ)

Семенова Н.Ф.

научный руководитель д-р филол. наук, профессор Фельде О.В.

Сибирский федеральный университет

Основная задача работы - представить характеристику устных рассказов о прошлом носителя ангарского диалекта Анны Максимовны Скурихиной с позиции лингвистического жанроведения.

Теоретико-методологической основой доклада являются работы в области нарратологии и генристики Т.В.Шмелёвой, М.Б. Бергельсон, М.М. Бахтина, В.В. Дементьева и др.

Источником исследования послужили записи устных рассказов А.М. Скурихиной, собранные в ходе диалектологической практики в Богучанский район. Записи сделаны 14 июля 2014 года в деревне Иркинеево Богучанского района.

Устные рассказы – термин, восходящий к работам М.М.Бахтина; под устным рассказом понимается неписьменный речевой жанр, обладающий специфической тематикой, которая связана с повседневным бытием человека; он характерен для неформальных условий общения.

М.Б. Бергельсон относит устные рассказы к отдельному виду повествования. Она пишет: «Они представляют собой такую разновидность нарративов, в которой конкретные события вводятся в дискурс с точки зрения рассказчика и его индивидуального знания, на фоне и в сопоставлении с социокультурным знанием. Это отличает их от таких повествований, как, например, мифы или отчеты. Как следствие этого в них всегда выражена точка зрения рассказчика, его оценка той или иной ситуации. Нарратив - это объективизированное описание рационального мира. Пропущенное через личное, эмоциональное восприятие человека это описание становится рассказом» [2: 25].

Одним из вариантов устного рассказа является автобиографический рассказ или рассказ о личной жизни. Такие рассказы обладают своими жанровыми характеристиками.

Устные рассказы о личной жизни обычно создаются автором без лишних раздумий, за очень небольшой временной промежуток. В таких рассказах освещаются наиболее важные жизненные события и достижения человека. Поэтому «речевой жанр автобиографического рассказа выполняет функцию самоидентификации человека, закрепления себя в обществе и мире и ориентирован на собеседника» [3: 20].

Поскольку рассказы являются реакцией на просьбу рассказать о своей жизни, то этот жанр можно назвать спровоцированным, хотя он может возникать и функционировать в условиях естественной непринужденной коммуникации при рассказывании истории своей жизни детям, внукам, соседям и т.д.

Несмотря на то, что исследуемые рассказы спровоцированы и появляются в особых условиях (при общении собеседников разных речевых культур), сам рассказ включается в живую коммуникацию и начинает оформляться по законам естественной коммуникации» [3: 20].

Большинство рассказов о личной жизни строится по хронологической схеме (от прошлого к настоящему). Однако в таких рассказах может быть нарушена хронологическая последовательность. При рассказе о событиях, происходивших в жизни, повест-

вание может начинаться с рассказа о современном периоде жизни или с подведения итогов, в текстах могут отсутствовать какие-либо элементы схемы.

При повествовании могут быть различные дополнения, а также рассказы о случаях, после которых автор не всегда возвращается к основному повествованию. Это объясняется часто неподготовленностью автора и постоянной апелляцией к собственной памяти.

Рассказы о прошлом, на наш взгляд, обладают рядом существенных качественных признаков, которые отличают их от такого обобщённого типа нарратива, как автобиографические рассказы. Особые черты этих текстов были обнаружены при их исследовании. В качестве метода анализа нами была выбрана анкета речевых жанров Т.В.Шмелёвой, о которой она пишет в статье «Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка». В анкете перечислены основные определяющие свойства любого речевого жанра, позволяющие отличить один жанр от другого.

Первым жанрообразующим признаком Т.В. Шмелева называет коммуникативную цель. Основной коммуникативной целью можно назвать информативную, так как автор рассказов стремится сообщить о ряде событий, которые происходили в прошлом. В его речи нередко встречаются метатекстовые фрагменты и обороты, описывающие коммуникативную цель : «*я помню вот...*», «*раньше так было...*», «*а один раз...*», «*был у нас...*».

Так же на коммуникативную цель указывает и метод сбора материала - интервьюирование, когда спонтанная речь сменяется рассказом на заданные темы. Причем искусственность ситуации ощущается за счет того, что собиратель может также влиять на ход повествования (задавать наводящие вопросы, или подробнее расспрашивать о интересующей его теме). Однако мы старались не злоупотреблять этой возможностью, поэтому текст представляет собой преимущественный монолог рассказчика. Еще один важный момент - искусственность ситуации больше никаким образом не сказывается на информанте и его рассказе - повествование протекает так же, как протекало бы и без записи на диктофон.

Еще одна коммуникативная цель – оценочная, возникает в нашем материале при более подробном рассмотрении, и мы видим, что описанные события могут оцениваться рассказчиком. Причем оцениваются как разные события в жизни героев, так и отдельные поступки, и собственное поведение, а так же общее состояние эпохи. Поэтому данные рассказы являются неким способом рефлексии рассказчика по поводу прошедших событий.

Образ рассказчика – наиболее важная жанрообразующая характеристика для нашего исследования, так как анализируемые нами тексты имеют конкретного автора. Это Скурихина Анна Максимовна, коренная жительница деревни Иркинеево, Богучанского района, Красноярского края. На момент записи ей 87 лет. Она повествует о событиях, реально произошедших с ней, а также о событиях, пережитых ее близкими. Исследование собранных текстов позволяет нам говорить не только об образе рассказчика, но и о существовании особой языковой личности коренного ангарца (часто называют себя челдонами).

Понятие языковой личности введено в широкий научный обиход Ю.Н. Карауловым. Под языковой личностью он понимал совокупность способностей и характеристик человека, «обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью». [5: 56] В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов.

Важной особенностью данной языковой личности является ангарский говор. В ее речи встречается множество слов характерных для жителей Приангарья. Здесь можно говорить о формировании сибирского региалекта, обусловленного экстралингвистическими факторами, а также лексической интерференцией просторечий, диалектов и народно-разговорных элементов (О.В. Фельде).

Под региолектом понимается речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия. Этот идиом не совпадает по своей природе ни с говором, ни с диалектом, ни с просторечием.

Т.В. Шмелева считает, что диктум как «событийная основа высказывания, препозитивная его часть» является важным жанрообразующим признаком. Свобода его употребления очень ограничена в отношении разных речевых жанров. [4: 13]

В силу отнесённости текстов к нарративному жанру речь в них всегда идёт о событиях прошлого. Учитывая и информативную, и оценочную функции, рассказчик говорит об уже случившемся. Это доказывает употребление форм прошедшего времени глаголов: «было», «вышла замуж», «мама осталась одна», «у меня пацан был, ... умер», «раньше ходили с иконами».

Также в данных текстах представлены формы настоящего и будущего времени. Формы настоящего времени используются в случае описания нынешней жизни. В этих случаях речь идёт о сопоставлении настоящего и прошлого, причем в прошлом жизнь всегда тяжелая, но веселая, а в настоящем – жизнь легкая, но печальная: *«И вот сейчас есть время- отдыхают люди, а у нас... времени и не было. Мы силос залаживали, через мост ходили коров доили туда. Холодно уже, все кто коров дёржит- уже во дворах, а у нас на скотном дворе еише и окошки не вставлены..»*

Предполагаемое будущее же в текстах неутешительно. Постоянно возникающий мотив увядания и смерти возникает каждый раз, когда рассказчик заглядывает в перспективу событий. Особенно остро звучат темы умирания реки и вымирание деревни: *«там поселье уже.. Скоро потолок упадет... Ну никому ничего не надо. Всё..», «Вот помру, придут хоронить..», «Вот конечно это все умрет... И будет здесь болото какое-нибудь» (про Ангару).*

Существенен и количественный аспект диктума. Воспоминания обычно полисобытийны и потому весьма нагружены диктумом: *«А у нас тут Топин Валера учился..мы вместе с ним учились.. у них тоже отца не стало во время войны. Он остался с матерью, да иишо у них сестра была Валя. И вот он написал вот эту книжку. У них были родственники, и они охраняли зерно. Вот насыплют на брезент и охраняют его чтобы птицы не клювали. А у них был сын и он рыбачил. И когда Валерка приходил к нему на берег, он... Вот ты унесешь эту кость... вот унесешь эту старую кость до ограды в зубах- я тебе окуня дам... вот как издевались. И он нес. И в этой книге он тут все описывает».* Обычно это ряд хронологически расположенных событий, но часто хронология нарушается. Рассказ может плавно переходить один в другой, прерываться, нагружаться комментариями из настоящего и т.д.

Т. В. Шмелева делит все речевые жанры на РЖ (с прошлым) и РЖ-реакции (без прошлого). «РЖ-реакции среди информативных типов представляют собой ответы на вопрос, согласия и возражения с мнением, подтверждение/опровержение ранее сделанного сообщения» [4: 14]. Изучаемые нами рассказы представляют собой РЖ без прошлого, потому что фактор прошлого работает в них только после задавания наводящих вопросов собирателя.

Фактор будущего – это перлокутивный эффект, достижение цели РЖ, его результативность. В данном случае для информативного типа жанра этот эффект – в ожидании вопросов адресанта, позволяющих продолжить речевое событие. В нашем случае

фактор будущего не представляет большого интереса, так как данный материал собирается в искусственно созданной ситуации.

«Вопрос о формальной организации РЖ, или его языковых приметах важен и для осознания РЖ, и для овладения им и свободного конструирования РЖ в соответствии с обстановкой общения и авторскими замыслами» [4: 17].

Рассказы А.М. Скурихиной в большинстве своем можно разложить на несколько пунктов, явно выделенных диктумом: выделение действующих лиц, рассказ о том, как они жили, иногда – некая нарративная кульминация (редко), завершение повествования – междометия, размышления.

Вот яркий пример такого рассказа: *«А у нас тут Топин Валера учился..мы вместе с ним учились.. у них тоже отца не стало во время войны. Он остался с матерью, да ишию у них сестра была Валя. У них были родственники, и они охраняли зерно. Вот насыплют на брезент и охраняют его чтобы птицы не клювали. А у них был сын и он рыбачил. И когда Валерка приходил к нему на берег, он... Вот ты унесешь эту кость... вот унесешь эту старую кость до ограды в зубах- я тебе окуня дам... ох..вот как издевались. И он нес...»*

Содержательный аспект исследуемого материала крайне разнообразен, но все это разнообразие можно типологизировать.

Практически во всех текстах нет описания места событий. Это объясняется тем, что рассказчик повествует о событиях, которые происходили в его и близлежащих деревнях Богучанского района. Время описываемых событий не всегда указывается прямо – это либо детство, либо некое абстрактное прошлое, где рассказчик является уже зрелым человеком: *«Я была тогда радехонька! А мама говорит... учиться то хорошо... а в чем посылать учиться.. в чем ехать учиться-то? Не в чем! Ни на себе ни на ногах, ничего нету... А отец в Канск ездил, привез... ну зерно туды увозили.. а обратно горючку привозили.. он привез, ну несколько раз туда ездили, ну не то что он один, а обозы туда ходили...он привез одеяло, 4 метра сатина и платок был вишневый вышитый, красивый... мама все, пойдешь в школу- и его наденешь... унты были у него...вот так вот... до сюда в ремяшках, поясах... красивы были унты! Их украли у нас...все украл».*

Все рассказы Анны Максимовны мы условно разделили на 7 основных тем (макротема): рассказы о семье, о жизни деревни, о детстве, о работе, о превратностях судьбы, о реке и о магической практике в деревне. В каждой из этих тем можно также выделить и более узкие темы (микротемы): тема матери, отца; деревенский досуг, ссыльные в деревне, игры в детстве, первая любовь и др. Стоит отметить, что все темы перекликаются между собой и нередко объединены общими мотивами – сквозными темами, с помощью которых складывается основной сюжет (мотив «тогда-сейчас», «тяжелый труд», «умирание деревни»).

Проанализированные нами тексты отражают все формальные признаки устного рассказа как жанра, но также имеют отличительные особенности в образе рассказчика, а также в формальной и содержательной организации, поэтому их следует рассматривать как отдельный жанр.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 159-206.
2. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: дис. ... докт. филол. наук. М., 2005. – 404 с.
3. Волошина С.В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. № 308. 2008. С.11–14
4. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

**КОНЦЕПТ-СЦЕНАРИЙ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И. А. БУНИНА**

Таянчина А. В.,

научный руководитель д-р филол. наук Фельде О.В.

Сибирский федеральный университет

Исследование индивидуальной языковой картины мира творческих личностей относится к числу актуальных задач таких наук, как лингвистическая персонология, лингвокультурология и когнитивная стилистика. Как известно, основной единицей языковой картины мира выступает концепт. Общеизвестно, что концепт является многослойным и многокомпонентным феноменом. Интенсивная разработка понятия «концепт» в рамках когнитивной лингвистики привела к пониманию того, что концепты могут различаться по своему строению и организации, в связи с этим выделяются различные классификации концептов. А. П. Бабушкин рассматривает концепт как родовое имя, объединяющее несколько его разновидностей. Он выделяет следующие типы: мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, сценарии, инсайты, «калейдоскопические концепты», между которыми, однако, нет резко очерченных границ [Бабушкин, 1996, с. 107]. Особое место в типологии концептов занимают концепты-сценарии. М. В. Пименова определяет сценарий как «событие, разворачивающееся во времени и/или в пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению [Пименова, 18]. Кроме этого, концепт-сценарий предполагает интерпретацию ситуации как типового динамического процесса. Проф. Бабушкин также указывает на то, что основным компонентом значения, который реализуется в концепте-сценарии, является обозначение его «процессуальности», а также наличие сюжета: «Концепт-сценарий – особый вид концепта, реализующий в семантическом плане своего вербального выражения сему движения, идею развития. Сценарий всегда носит сюжетный характер, и слово выступает в качестве заголовка для серии стереотипных действий. Коллективный опыт носителей языка позволяет по-разному реализовывать прочтение одного и того же сценария, заданного соответствующим словом, и необходимо осознать ролевые функции, которые предписываются определенному сюжету в рамках того или иного сценария [Бабушкин, 1996, с. 102].

Целью данной статьи является представление структуры сценария концепта *революция* в индивидуальной языковой картине мира И. А. Бунина. Исследование проводится на материале книги «Окаянные дни», а также «Воспоминаний», дневниковых записей, составленных по письмам и воспоминаниям И. А. Бунина и его жены В. Н. Муромцевой-Буниной, опубликованных публичных речей писателя.

Имя избранного нами концепта – *революция*. Рассмотрим основные компоненты концепта-сценария *революция*, которые позволяют отнести его к данной разновидности концептов.

Революция разворачивается в рамках обозначенных автором пространственно-временных координат: она «вызревает» в умах и совершается в России на рубеже столетий и в первые десятилетия XX века. В «Окаянных днях» автором последовательно фиксируется ход революции. Её истоки автор обнаруживает в духовных метаниях русской интеллигенции и управленческих ошибках царского правительства. Начало «активной фазы» революции совпадает с событиями Первой мировой войны и ослаблением духовной зоркости нации: «Подумать только, до чего

беспечно, спустя рукава, даже празднично отнеслась вся Россия к началу революции, к величайшему во всей ее истории событию, случившемуся во время величайшей в мире войны» («Воспоминания», с. 36).

Пространство, в котором осуществляется революция, обозначается автором не только как географическое, но и духовное: «Произошло великое падение *России*, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. (Окаянные дни», с. 35). Таким образом, революция несёт с собой изменения не только в социальном и бытийном пространстве, но и в ментальном. Русская смута по мнению писателя губительна прежде всего для духовной жизни, для всей национальной русской культуры: «С воцарением же большевиков лиры поэтов зазвучали уж совсем похамски» («Воспоминания», с. 25).

В структуре концепта-сценария «революция» выделяются субъекты и объекты действия. Объектом действия является вся Россия, её социально-экономическая, политическая, социокультурная жизнь, которая подвергается кардинальной ломке. Субъекты действия включены в оппозицию «свои – чужие – чужие среди своих». Активным субъектом революции является крестьянство: «Революция, говорят, была неизбежна, ибо *народ жаждал земли таил ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам*» («Миссия русской эмиграции»). В огромной массе русского народа Бунин выделяет те социальные группы и психотипы, которые выполняют особенно разрушительные задачи революции: «*И как раз именно из них, из этих самых русичей, издревле славных своей антисоциальностью, давших столько "удалых разбойничков", столько бродяг, бегунов, а потом хитровцев, босяков, как раз из них и вербовали мы красу, гордость и надежду русской социальной революции. Что ж дивиться результатам?» («Окаянные дни», с.12).*

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что концепт «революция» в индивидуальной языковой картине мира И. А. Бунина представляет собой концепт особого вида – концепт-сценарий, в структуре которого выделяются участники сценария, выявляется хронотоп, этапы развития событий.

Список литературы

1. Бунин И. А. Окаянные дни. Ленинград, 1991. 126 с.
2. Бунин И. А. Воспоминания Бунина И.А. Воспоминания. Париж, 1950. URL: http://bunin.niv.ru/bunin/bio/vospominaniya-bunina_1.htm (дата обращения: 15.03.2015)
3. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm> (дата обращения: 15.03.2015)
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
5. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Волгоград, 2005. Т. 1.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА СЦЕНАРИЯ В РУСИСТИКЕ

Филатова М.А.

научный руководитель д-р филол. наук Фельде О.В.

*Сибирский федеральный университет
Институт филологии и языковой коммуникации*

В лингвистических исследованиях последних десятилетий неразрывно связываются язык, мышление и культура. Положение о взаимном влиянии этих трех сущностей – один из основополагающих тезисов для целого ряда научных дисциплин, возникших в рамках когнитологии: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоперсоналогии, психолингвистики и др.

Объектом изучения этих лингвистических дисциплин является концепт. Междисциплинарный характер термина «концепт», многомерность данного понятия породили огромное количество определений и их трактовок, множество различных типологий и, как следствие, разнообразных методик его исследования. Существенный вклад в изучение концепта внесли такие ученые, как А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, И.В. Карасик, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, В.А. Маслова и мн. др.

Анализ научной литературы по проблеме показал, что на сегодняшний день принято выделять два основных подхода к исследованию концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический.

Согласно лингвокогнитивного подхода концепт трактуется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1]. Такая трактовка концепта подчеркивает его статус как единицы мышления. При исследовании концепта **с позиции лингвокультурологии** акцент делается на его культурно значимых характеристиках. В этом случае концепт – это носитель информации и явлений, свойственных представителям отдельной культуры.

В настоящей работе предпринята попытка раскрыть суть сценария как одного из типов концепта и обзорно представить существующие в отечественной лингвистике подходы к его изучению.

В традиции отечественной когнитивной лингвистики одним из тех, кто первым предложил типологию концептов, включив в нее сценарий, стал А.П. Бабушкин. Основанием для его типологии является форма репрезентации знания. С этой точки зрения сценарий представляет собой «знания о сюжетном развитии событий».

Переосмыслил и дополнил типологию А.П. Бабушкина другой известный исследователь в области когнитивной лингвистики – Н.Н. Болдырев. Его классификация основана на противопоставлении степени конкретности/абстрактности концепта. По мнению ученого, сценарий (скрипт) – это динамически представленные фреймы, разворачиваемая во времени последовательность этапов, эпизодов.

Схожую точку зрения относительно сценария высказывают З.Д. Попова и И.А. Стернин, полагая, что сценарий (скрипт) – это фреймы, разворачивающиеся во времени и пространстве как последовательность эпизодов, этапов, элементов [Питина, Попова, 2013: 61-63].

Из приведенных выше определений следует, что когнитивный сценарий как тип концепта представляет собой многокомпонентную **форму** структуризации и представления знания о каком-либо фрагменте действительности. Специфика сценария заключается в идее сюжетности и семантике процессуальности, повторяемости. В качестве

основного составляющего элемента сценария, своеобразного конструкта, выступает фрейм. Заголовком для серии стереотипных действий выступает слово (имя концепта).

Принято различать когнитивный и культурный сценарий. Под первым понимается особенности когнитивных оснований выбора определенного языкового выражения, подходящего для конкретной ситуации. Второй трактуется как «внешнее выражение скрытой системы культурных правил» или правил, регулирующих речевое поведение людей в определенных речевых событиях [Мамина, 2011: 4].

Сценарное моделирование получило широкое применение в современных лингвистических исследованиях, которые в большинстве своем представляют собой интеграцию методов и приемов разных дисциплин и выполнены на разном материале. Так, сценарий стал объектом исследования в работах по когнитивной лингвистике, сопоставительной концептологии, контрастивной лингвистике, диалектологии, лингвокультурологии. Остановимся подробнее на некоторых из них.

В русле сопоставительной концептологии Газизулиной Л.Р. проанализирована реализация сценарной модели концепта «насилие» в русской и американской концептосферах. Сопоставляя реализацию данного концепта в текстах детской литературы, автор выявляет его национально-языковое, национально-культурное и национально-когнитивное своеобразие [Газизулина, 2013].

В рамках лингвopsихологии выполнено исследование А.И. Сергеева, который исследовал специфику реализации концепта «удивление» в русском и немецком языках. Данный концепт рассмотрен автором с точки зрения сценария эмоции [Сергеев, 2004].

Существует ряд работ, в которых предпринята попытка реконструировать и описать типовые культурные сценарии. В частности, к ним можно отнести диссертационное исследование Шалиной И.В. по диалектологии, в котором на материале устных текстов-разговоров, дневников и писем анализируется коммуникативно-этические константы просторечия как лингвокультуры [Шалина, 2009].

Однако, несмотря на актуальность идеи сценарного моделирования для современной русистики, отметим, что на сегодняшний день она не получила должного научного освещения в терминоведении и теории LSP. Между тем терминологии и специальные подязыки представляют собой уникальный лингвистический материал, привлечение которого позволит расширить эмпирическую базу лингвистики.

Список литературы

1. Газизулина Л.Р. Реализация концепта НАСИЛИЕ и VIOLENCE в дидактических текстах школьной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 23 с.
2. Мамина Т.В. Специфика лингвокогнитивного моделирования сценария «карьера» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 23 с.
3. Питина С.А., Попова Л.В. Типология ментальных единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №20 (311). Филология. Искусствоведение. Вып. 79. С.61-69. [Эл. ресурс]. – URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/311/014.pdf>
4. Сергеев А.И. Контрастивно-семантический анализ концепта удивление: На материале произведений Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 20 с.
5. Шалина И.В. Культурный сценарий «жизнь в деревенской семье»: из опыта лингвокультурологической интерпретации [Эл. ресурс]. – URL: <http://psibook.com/Linguistics/kulturnyy-stsenariy-zhizn-v-derevenskoy-semie-iz-opyta-lingvokulturologicheskoy-interpretatsii.html>

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ КИТАЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Чжан Сюели,

научный руководитель доктор филол. наук Фельде О.В.

Сибирский федеральный университет

Драматические события русской истории в первой четверти XX века привели к появлению такого феномена, как «белая эмиграция». Из Советской России выезжали представители потерпевшего поражение белогвардейского движения, а также некоторые представители творческой интеллигенции. Много поэтов-эмигрантов принял Китай. Большинство из них селились в таких крупных городах, как Харбин и Шанхай. Русские поэты Китая оставили богатое литературное наследие. За три десятилетия в Китае было выпущено около 200 поэтических сборников. В Харбине были изданы сборники стихов А. Ачаира «Полустанок», «Полынь и солнце», «Лаконизмы», «Под золотым небом» «Тропы»; книги А. Несмелова «Протопопица», «Белая флотилия»; поэтические сборники В. Перелешина «В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем; «Золотые кораблики» Г. Сатовского; «Песчаный берег» В. Обухова. Популярными изданиями русского Харбина в первой половине сороковых годов XX в. стали «Жертва» В. Перелешина, «Великая Восточная Азия» Г. Сатовского и «Светлое кольцо» Нины Завадской. В. Крейд и О.Бакич выделяют 58 русских авторов, стихотворения которых отличаются особой художественной ценностью [Русская поэзия Китая: Антология, 2001]. В настоящее время творчество русских поэтов, составляющих цвет дальневосточной эмиграции, изучается как русскими, так и китайскими авторами, в основном, в литературоведческом аспекте [Воробьева, 2009; Ли Иннань, 2009].

Тексты таких поэтов, как А. Ачаир, А. Несмелов, В. Перелешин, Е. Даль, и Вс. Н. Иванов и некоторых других ярких представителей русской поэзии Китая, недостаточно исследованы с лингвистической точки зрения. Между тем эти тексты представляют интерес для специалистов в области когнитивной стилистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, поскольку содержат богатый материал для анализа художественных концептов, художественной картины мира, а также лексико-стилистических средств, отражающих идиостиль и мировидение авторов, которые писали в условиях чужой для них страны.

Основными темами стихотворных произведений русских поэтов, живущих в китайских провинциях, были Россия и Китай. Названия этих стран послужили именами ключевых концептов русской словесности Китая, которая нуждается в подробном семантико-стилистическом и когнитивном анализе.

Остановимся на некоторых типичных чертах рассматриваемых текстов. Прежде всего, обращает на себя внимание органичное использование экзотической для русского языка лексики, которая помогает авторам не только передать местный колорит, но и трагичность судьбы русских эмигрантов:

Мать Божья! Мне тридцать два...

Двадцать лет переходим каликою

Я живу лишь едва-едва,

Не живу, а жизнь свою мыкаю.

И, занывши от старых ран,

Я молю у Тебя пред иконами:

«Даруй фанзу, курму и чифан

В той стране, что хранима драконами» (Леонид Ещин. Беженец.)

Использование китайских лексических вкраплений в русские тексты помогает авторам создать неповторимый образ новой родины. Китай, по справедливому выражению Ли Иннань, становится «объектом эстетизации и поэтизации» [Ли Иннань, 2009]. В представлении русских поэтов, Китай – это страна «шелков, и чая, и лотосов, и вееров» (В. Перелешин), страна «иероглифов, драконов и тревог» (А. Паркау), «страна мерцающей загадки» (М. Коростовец), «мудрая страна» (Вс. Иванов).

В текстах поэтов-эмигрантов Китай изображается как «вторая родина»:

*Русской бури путь зловец и долог,
Но меня, как тысячи других,
Ты, Харбин, родной земли осколок,
Защитил, укрыл от вихрей злых.*

...

*И теперь ни от кого не скрою,
Милым городом покорена,
Что мне стала родиной второю
Приютившая меня страна. (Е.Даль. Второй родине.)*

Раскрывая образ «второй родины», поэты используют богатую палитру образных языковых средств: метафоры, эпитеты, сравнения, перифразы. Нередко используются зоосемические метафоры: «*Вот он, Китай, этот буйвол тяжелый, В теплой трясине уснувший до срока. Оводы кружат — блестящие пчелы...Он неподвижен до некоего срока. Встанет, рога распластавши на вые, И заревет, напружинивши ребра, И покривятся кресты Византии, И пошатнутся тогда небоскребы*» (М.Волин. Стихи о Китае).

Дальнейшее исследование языковых средств, актуализирующих художественный концепт «Китай», позволит не только выявить его понятийные, образные и ценностные признаки, но и получить полное представление об особенностях уникальной картины мира русских поэтов Китая.

Список литературы

1. Воробьева И.Ю. Китайская литературная традиция в восприятии поэтов дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2009. Вып. 119. С. 217-223.

2. Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина [Электронный ресурс]. – URL:

<http://www.laoshi2.ru/?s=%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7+%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F+%D0%B2+%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D0%B7%D0%B8%D0%B8&submit=>

3. Русская поэзия Китая / сост. В. Крейд, О. Бакич. М.:Изд.-во «Время», 2001. 720 с.

СЕМАНТИКА ПОТЕРИ КАК РАЗРЫВА СОПРИЧАСТНОСТИ

Шароглазова Т. А.

научный руководитель д-р филол. наук Ким И.Е.

Сибирский федеральный университет

Пресуппозицию *потери* составляют посессивные отношения. Между обладателем и обладаемым устанавливается внутренняя связь, которую, вслед за И.Е. Кимом, мы будем называть сопричастностью.

«Сопричастность / причастность во внутренней или знаковой сфере – это семантическая категория, характеризующая наличие связи между лицом, участвующим в психоментальном или знаковом событии, и лицом, предметом или событием, являющимся одним из объектов этого события, причем связи, осознаваемой лицом – участником психоментального или знакового события» [1].

Сопричастность может отсутствовать, и на ее месте могут возникать отношения иного рода – отношения чуждости, подробно описанные в работе А. Б. Пеньковского. На основании этого выделим категорию «сопричастности / чуждости»

В отношениях потери и категории «сопричастности/чуждости» можно выделить три наиболее очевидных сюжета: 1) потеря как индикатор сопричастности (разница в оценке субъектом потери «своей» и «чужой» реалии), 2) потеря как актуализатор сопричастности или ее отсутствия (экспликация значимости объекта) и 3) потеря как разрыв сопричастности. Третий сюжет стал предметом данного исследования.

Целью исследования является выявление компонентов смыслов в семантике потери как разрыва сопричастности.

В данной работе мы остановимся на сопричастности с лицами.

Как субъект, так и объект сопричастности и, соответственно, потери как ее разрыва обладают самостоятельностью, мышлением, намерениями и целями, агентивностью, однако в их позициях присутствует асимметрия, связанная с тем, что разрыв сопричастности определяется по отношению к субъекту и этим он оказывается маркирован. Эта асимметрия при сохранении потенциальной активности обоих участников отношения сопричастности может быть отражена в использовании терминов для агентивных ролей: субъекта потери такого рода обозначим как агенса, а объект – как контрагенса.

На основе анализа выборки из Национального корпуса русского языка и форумов сети Интернет выявлено, что можно различать три степени сопричастности.

Наиболее слабая связь проявляется с контрагенсами, которые не входят в личное пространство человека (*клиент, покупатель, слушатель, компаньон и т.д.*). Эта связь ситуативная и образуется на основе общих интересов, целей, а завершение ситуации контакта ведет к прекращению отношений. Такая сопричастность часто временная, поэтому потерей является не сам разрыв, который и так предполагается, а именно неожиданный разрыв, например: *Экскурсовод в музее в процессе рассказа увлекся, по видимому, личными воспоминаниями так, что потерял слушателя.*

Следует отметить еще один момент. В силу характеристик субъекта и объекта, перечисленных выше, возможны две точки зрения на события, образуются две сферы: сфера агенса и контрагенса. Каждая из этих сфер развивается самостоятельно, независимо друг от друга. Точкой пересечения являются общие интересы, на основе которых образуется сопричастность. Так, в следующей ситуации внешние перемены в жизнеобъекта заставляют его переключиться на более важные события. И так как исчезает точка пересечения с субъектом, происходит разрыв сопричастности,

например: *А главное, пожалуйста, в том, что я **потерял своего компаньона** и помощника. <...> потеря сына, бежавшего в компании с вором, его убила. Он мечтает теперь идти паломником в Лхасу и искать там своего сына Я, конечно, туда с ним не пойду, на это у меня уже сил нет.*

Необходимо говорить об определенной роли, так как связь с тем же компаньоном/клиентом может перейти на новый уровень, укрепиться, и перерасти в дружбу.

Более устойчивая связь образуется на эмоциональном уровне, уровне привязанностей (*друг/подруга, возлюбленная/-ый*). Характерной чертой в ситуации потери является появление категории вины, агенса или контрагенса. Кроме того, один из них выступает инициатором разрыва, потеря связана с волей одного из участников отношения, например: - *Саш, ничего, что твоя жена обвинила меня в пропаже, я готов хоть догола раздеться, вот мой портфель, проверяйте, только быстрее, я опаздываю в аэропорт...<...>* - *Не провожай, забудь меня... Будь здоров. / Он вышел. Я понял, что потерял друга навсегда, мы глубоко обидели Влада и вместе с ним я потерял свое детство.*

Наиболее крепкая связь наблюдается при третьей степени сопричастности, поскольку помимо внутренней привязанности, в отношении обнаруживается социальная закрепленность (*жена/муж, отец, сын/дочь и т.д.*). Разрыв отношений осуществляется на разных уровнях. Это может быть разрыв социальных отношений, т.е. официальный, внешний (*развод, лишение родительских прав*), или разрыв внутреннего отношения, который происходит в сознании человека (*я потерял сына = он мне больше не сын*), например: *Пила же она тайком по-прежнему, хоть и остерегалась теперь, чтобы не попасться князю. Он, однако, догадался, но смолчал. Ему стало противно; он понял, что потерял жену навсегда.*

Однако есть ситуации, которые выбиваются из общей схемы представлений о сопричастности в силу специфики объекта. Это ситуации, позиция контрагенса в которых замещается именами, обозначающими «чуждых» лиц (*враг, соперник, завистник и т.п.*), а также ситуации, когда разрыва связи не происходит, а наоборот, становится еще крепче (например, когда враг переходит в статус друга).

Враги, так же как и друзья, – это часть социальных взаимоотношений. Включенность в социальные отношения означает, что человек мыслит себя в окружении людей, среди которых могут быть так называемые враги, соперники, завистники т.д. В примере ниже потеря работы ведет к череде последующих потерь и, в конце концов, к выключению из социума, замкнутости. Разрыв с социумом есть разрыв с врагами как части социума: *Два года пять месяцев — безработный.) «Я потерял работу. Я потерял квартиру. Я потерял любимую женщину. Я потерял друзей. Я потерял даже врагов, так как в общественном плане перестал существовать. Одним словом, у меня отняли все, что мне было дано».*

Таким образом, мы обнаружили, что три степени сопричастности определяют три уровня потери. В этом смысле *потеря клиента* – это не то же самое, что *потеря сына*. Потеря как разрыв сопричастности содержит скрытые смысловые компоненты (интенция, вина, внезапность, неконтролируемость и др.), которые она вбирает в себя в зависимости от типа контрагенса. Семантика потери обладает гибкой структурой, благодаря чему возможны вариации значений.

Список литературы

1. Ким И. Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: Монография / И.Е. Ким. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. 325 с.

